

«Даже вся магия мира
не стоит того,
чтобы продавать за неё
свою совесть...»

ЧЁРНАЯ ТЕНЬ

Себастьян де Каstell

Творец Заклинаний

Себастьян де Кастелл

Чёрная Тень

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

де Кастелл С.

Чёрная Тень / С. де Кастелл — «Эксмо», 2017 — (Творец
Заклинаний)

ISBN 978-5-04-093593-2

Келлену всего шестнадцать, а за его голову уже назначена награда. Он ушёл из дома, у него нет ни денег, ни магии. Зато он и его напарники – странница-картограф Фериус Перфекс и кровожадный белкокот Рейчис – приобрели репутацию банды, способной справиться с любым магом. Поэтому совсем не удивительно, что многие люди обращаются к ним за помощью. Берену угрожают маги-ищейки, наложившие смертельное заклятие на его единственную дочь Сенеиру. Поначалу Келлен не хочет ввязываться в это дело, но, заметив, что симптомы болезни, проявляющиеся у девушки, похожи на те, что есть у него самого, он не может остаться в стороне. Неужели, поборов Чёрную Тень Сенеиры, он и сам получит надежду на исцеление?

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-093593-2

© де Кастелл С., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Путь Воды	6
1	6
2	8
3	12
4	15
5	19
6	21
7	27
8	31
9	35
Путь Ветра	39
10	39
11	43
12	45
13	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Себастьян де Кастелл

Чёрная Тень

Sebastien de Castell

Shadowblack

Text copyright © Sebastien de Castell, 2017

Text illustrations copyright © Sam Hadley, 2017

© Ковалевская Т.В., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

*Доктору Суканье Личаруну из Ангкорской Королевской
Международной больницы в Камбодже, чье остроумие и доброта
превратили мучительную болезнь в удивительно интересный опыт.*

Путь Воды

Путь аргоси – это путь Воды. Вода никогда не стремится преградить кому-то путь и не позволяет преградить путь себе. Она течет свободно, ускользая от тех, кто хотел бы ее пленить, и не берет ничего чужого. Забыть об этом – значит свернуть с пути, ибо, несмотря на разные слухи, аргоси никогда не крадут.

1

Амулет

– Это не кража, – настаивал я несколько громче, чем надо бы, потому что моим зрителем был белкот ростом в два фута. Он деловито вскрывал кодовый замок, отделявший нас от содержимого стеклянной витрины в закладной лавке.

– Ты не против? Это не так легко, как кажется, – гневно проверещал в ответ Рейчис, прижав одно мохнатое ухо к замку и вращая ловкими лапами три маленьких латунных диска. Его филейная часть аж задрожала от возмущения.

Если вы никогда не видели белкотота, представьте себе кошку со злобной физиономией, большим пушистым хвостом и тонкими мохнатыми перепонками между передними и задними лапами. С их помощью он планирует в воздухе, умудряясь выглядеть одновременно нелепо и пугающе. Ах да, еще добавьте ему нрав вора, шантажиста и, если верить рассказам Рейчиса, еще и убийцы-редицивиста.

– Почти готово, – заявил он.

Он повторял это уже около часа. Тонкие лучи света начинали просачиваться в щели между деревянными планками на ставнях, закрывавших окна лавки, и под нижней кромкой двери. Вскоре на главной улице появятся люди, они начнут открывать свои магазинчики или пить под дверями салуна утреннюю кружку, без которой им никуда. В приграничных землях всегда так делают: доводят себя до пьяного ступора еще до завтрака. Это только одна из причин, почему люди здесь склонны решать любой спор насилием. Поэтому нервы были уже на пределе.

– Можно было просто разбить стекло и оставить ему побольше денег на покрытие морального ущерба, – сказал я.

– Разбить стекло? – прорычал Рейчис, давая понять, что он уже размышлял над этой идеей. – Любитель, – он снова обратил внимание на замок. – Осторожно... осторожно...

Щелчок – и латунный замок оказался в гордо поднятых лапах белкотота. – Вот! – заявил он. – Вот это правильная кража!

– Это не кража, – повторил я, наверное, уже в двенадцатый раз с тех пор, как мы проникли к закладчику. – Мы заплатили ему за амулет, или ты забыл? Это он нас ободрал.

Рейчис пренебрежительно фыркнул.

– И что ты сделал, Келлен? Что ты сделал? Стоял как дурачок, пока он прикарманивал наши потом и кровью заработанные денежки, вот что!

Насколько мне было известно, Рейчис за всю свою жизнь не заработал ни гроша.

– Надо было зубами выдрать ему горло, как я тебе говорил, – продолжал он.

Решение любого острого вопроса – по крайней мере, у белкототов – заключается в том, чтобы подойти к источнику несчастий и изо всех сил укусь в шею, предварительно вырвав как можно более солидный кусок кровоточащей плоти. Я оставил за Рейчисом последнее слово и потянулся, чтобы открыть стеклянные дверцы и достать маленький серебряный колоколь-

чик, прикрепленный к тонкому металлическому диску. Иероглифы, вырезанные по его краю, светились в полумраке. Это амулет-глушилка. С ним я смогу колдовать, не рискуя, что меня вычислят наемники. Впервые с тех пор, как мы бежали из земель джен-теп, я почувствовал, что могу вздохнуть с облегчением. Почти.

– Эй, Келлен! – Рейчис вспрыгнул на прилавок, чтобы получше рассмотреть серебряный диск у меня в руке. – Эти символы на амулете – это магия, так ведь?

– Вроде как. Это способ привязать заклинание к амулету, – я повернулся к белкокоту. – С каких это пор тебя интересует магия?

Он сунул мне под нос замок:

– С тех пор, как эта штука начала светиться.

Три замысловатых иероглифа сияли ярко-красным светом вдоль латунного цилиндра. В следующее мгновение дверь распахнулась и солнечный свет залил закладную лавку. Какой-то силуэт ворвался внутрь и повалил меня на пол, внезапно нарушив наш план по ограблению, который, если подумать, не помешало бы заранее получше продумать.

Проведя четыре месяца в приграничных землях, я пришел к одному-единственному выводу: изгой из меня получился скверный. Я ни черта не умею охотиться, теряюсь, куда бы ни пошел, и у каждого, кто встречался мне на пути, находилась веская причина попытаться меня ограбить или убить.

А иногда убить и ограбить сразу.

2

Путь кулака

Получить по лицу куда больнее, чем кажется.

Когда чьи-то костяшки соприкасаются с вашей челюстью, кажется, что четыре крохотных стенобитных тарана пытаются ее расплющить. Ваши зубы, маленькие предатели, прикусывают вам язык, и рот наполняется ржавым вкусом крови. А треск, который вы слышите? Вы всегда думали, что кости ломаются именно с таким звуком, и, наверное, именно поэтому голова резко поворачивается, чтобы угнаться за подбородком, пока он не удрал с места преступления.

Знаете, что хуже всего? Как только ноги вновь обретают равновесие, а глаза открываются, вы вспоминаете, что недоброжелатель, который избивает вас до потери сознания, – тощий парнишка в конопушках, которому наверняка не больше тринадцати.

– Нечего было тырить мой амулет, – пробубнил Конопатый. Он двинулся на меня, отчего я инстинктивно отшатнулся назад, поскольку мое тело, видимо, решило, что лучше позорно рухнуть мешком на пол, чем рисковать и снова нарваться на его кулак. Откуда-то послышался смех – толпа горожан, вывалившихся из своих лавчонок и салунов, собралась поглазеть на драку и билась об заклад, кто победит. На меня не ставил никто; может, я и был родом из племени лучших магов на континенте, но, как оказывается, в рукопашной мы никуда не годимся.

– Я заплатил тебе за этот амулет, – настаивал я. – А кроме того, я положил его обратно в витрину! Так что незачем...

Конопатый указал большим пальцем на качающуюся вывеску закладной лавки, туда, где угнезвился Рейчис, радостно изучая серебряный колокольчик, прицепленный к амулету. Каждый раз, когда Конопатый бил меня, Рейчис звонил в колокольчик. Белкокоты – такие шутники, подобные выходки для них смешнее некуда.

– Думаешь, я всю ночь вскрывал замок, чтобы ты просто вернул амулет?

– Чертов вор! – крикнул я Рейчису.

Конопатый залился еще более густой краской – наверно, принял это на свой счет. Я все время забываю, что я один понимаю Рейчиса, а все остальные слышат только ворчание и пыхтение.

Конопатый с воплем бросился на меня, и в следующий миг я уже лежал навзничь. Мой мучитель едва не вышиб из меня дух и прижал к полу.

– Встал бы ты лучше на ноги, малыш, – сказала Фериус Перфекс со своим тягучим приграничным акцентом. Она опиралась на коновязь, у которой стояли наши лошади. Черная шляпа надвинута низко на лоб, словно Фериус готовилась вздремнуть. – Трудно подняться, когда лежишь на спине.

– А ты могла бы помочь, знаешь ли, – ответил я. Ну и вообще сказал бы, если бы у меня в легких еще оставался воздух.

Фериус стала моей наставницей и хотела, чтобы я жил по заветам аргоси – загадочного племени, – которые много говорят, хорошо играют в карты и путешествуют по всему свету, занимаясь... ну, пока никто еще не рассказал мне, чем именно они занимаются. Она помогает мне выжить, пока я в бегах, и не попасться магам-ищейкам, которые идут по моему следу. Ее наставничество в основном сводилось к потрясающим фразочкам вроде: «Трудно подняться, когда лежишь на спине». Вот эта вот взбесила меня чуть ли не больше, чем ее привычка все время называть меня «малыш».

– Я же говорила, забудь про амулет, малыш, – сказала она.

Может быть, я и послушал бы тогда ее предупреждение, если бы она потом не начала нести какую-то аргосскую белиберду про «путь воды», и я до того разозлился, что лучше бы последовать совету белкокота, для которого решение всех проблем – не считая вырывания

зубами чужого горла – состояло в том, чтобы что-то спереть. Поэтому на деле они оба были виноваты в том, что теперь я оказался на полу, а на мне сидел Конопатый и пытался отлупить меня до полусмерти.

В том, что касается немагических драк, я усвоил одно: надо закрывать лицо, что я и сделал. К сожалению, этот негодяй с легкостью отбивал мои руки в сторону, а потом снова принимался меня лупцевать. О предки, как этот шкет умудряется бить с такой силой?

Конопатый устроился на мне поудобнее, схватив меня за запястье и стиснув одной рукой мой указательный палец.

– Все знают цену воровства, – сказал он, медленно отгибая палец назад.

Паника нахлынула на меня раньше боли. Для любого заклинания джен-теп нужно складывать руки в соматические фигуры. С переломанными пальцами ничего не выйдет.

Я изо всей силы дернул бедрами, и отчаяние придало мне достаточно сил, чтобы скинуть Конопатого. Тот перелетел через мою голову и рухнул лицом в грязь. Я быстро перевернулся и вскочил на ноги. Конопатый уже ждал меня.

– Ща кровь тебе пушу, – сказал он.

Кровь тебе пушу. Три слова, в которых отразилась вся жаркая, засушливая клоака, именуемая Семью Песками: разномастная пустыня, лоскутное одеяло, испещренное мелкими захолустными городишками, где обитали жестокие и мерзкие людишки, готовые в мгновение ока забыть про цивилизованность. Правда, по большей части они даже слова «око» не знали. Конопатый, явно взволновавшись, что я не расслышал его с первого раза, повторил еще громче:

– Ща всю кровь тебе выпущу.

Я инстинктивно опустил руки по швам – привычка, выработавшаяся за годы изучения магии, а не рукопашной: нельзя творить заклинания, если руки сжаты в кулаки, как у варвара. Я расслабил пальцы и запустил их в мешочки с порошками, притороченные к поясу. Всего-то и нужно, что две щепотки – чуть красного и чуть черного. Бросить их в воздух, сложить пальцы в соматические фигуры, произнести заклинание в одно слово – и я отплачу Конопатому его же монетой.

У других джен-теп чары больше и лучше, чем у меня, но хотя способностей мне иногда не хватает, выручает быстрота рук. Таких, как я, мой народ называет «меткими магами» – они выживают, используя кое-какое скудное волшебство и все трюки, каким только могут научиться. В моем случае это немного магии дыхания и чуть-чуть взрывающихся порошков. По отдельности от этих порошков толку мало, но если их соединить точно в нужное время, можно произвести взрыв, который разорвет дубовую дверь, словно листок бумаги. О да, Конопатому мало не покажется.

– Никакой магии, малыш, помнишь? – сказала Фериус.

Ах да. Точно.

Этот амулет-глушилка мне нужен был в первую очередь потому, что всякий раз, когда я творил заклинание, возникало своего рода мистическое эхо, улавливая которое маги-ищейки могли вычислить нас. Поскольку скрыться от них было на данный момент целью моей жизни, Фериус требовала, чтобы я выпутывался из неприятностей без всякой магии. Проблема была в том, что Конопатый снова пошел в атаку, сжав кулаки и приготовившись отправить меня к праотцам.

– Сдаюсь, – сказал я, поднимая руки и отступая назад. – Я верну тебе амулет, а деньги оставь себе.

Не тот эпизод в моей жизни, которым можно гордиться.

– Заберу амулет и деньги, – сказал Конопатый. А потом, ткнув пальцем в сторону Рейчиса, примостившегося на вывеске, добавил: – И еще сдеру шкуру с твоей зверюги. Пойдет на шапку, а может, просто подпалю и посмотрю, как он будет бегать, пока не подохнет.

От этих слов у меня в животе свернулся холодный, жесткий узел. Еще недавно я видел, как с помощью магии сыновья Ра-мета спалили все племя Рейчиса. Эта картина словно огнем была выжжена в моей памяти, как и отпечталось в ней выражение злобной радости на лицах убийц. У Конопатого было почти такое же.

Фериус говорит, что страх и злость – две стороны одной монеты. Конопатый только что перевернул мою монетку. Колющая боль стала нарастать у меня в левом глазу, почти как мигрень, только куда хуже. Я попытался сморгнуть ее, но боль усиливалась. Утреннее солнце потускнело, а вот тени никуда не исчезли, они росли и распухали; мир вокруг меня потемнел, как бывает, когда сны превращаются в кошмары. Только я вовсе не спал.

– Держи себя в руках, малыш, – предупредила Фериус. Она уже видела, как оно подступает, но ее предупреждение запоздало, потому что ее голос доносился уже словно откуда-то издалека, как будто она была только воспоминанием о человеке, которого я знал в далеком прошлом.

А вот смех Конопатого звучал у меня в ушах все громче и громче, а улыбка становилась все шире и шире, искажая его лицо. Когда на меня находит, я вижу только уродливые стороны людей. Мерзкие стороны. Словно бы у меня на глазах Конопатый превратился в самую худшую версию самого себя. В моих глазах он становился гадким ублюдком, которому нравится причинять боль и хихикать, поджигая Рейчиса.

Ярость внутри меня так разрослась, что я больше не чувствовал боли в глазу и даже не заметил, как руки у меня сами по себе погрузились в мешочки; я осознал, что делаю, только когда частицы черного и красного порошков уже поплыли в воздухе передо мной. Ровно перед тем, как они столкнулись, мои руки сложились в соматическую фигуру: оба мизинца прижаты к ладоням в знаке сдержанности; указательный и средний пальцы вытянуты вперед в знаке полета; большие пальцы указывают вверх в знаке «О предки, пожалуйста, не дайте мне оторвать самому себе пальцы».

– Караф, – прошептал я, четко произнося каждый слог. Огненная стрела ярости и гнева рванулась вперед – такая не убьет, но покалечит. Красные и черные языки пламени сплелись в воздухе, словно две разъяренные змеи, и пролетели ровно над плечом Конопатого, опалив стену лавки снаружи. Если бы я целился именно туда, я продемонстрировал бы впечатляющую мощь. Оказывается, когда тебя бьют по голове, целиться становится очень, очень тяжело. Боль в глазу исчезла мгновенно, навалившиеся на меня темные видения растаяли, оставив после себя обычную пыльную улицу и разочарованные лица зрителей. Приступы всегда накатывают неожиданно, но отступают быстро, оставляя после себя дрожь во всем теле и подгибающиеся колени – не то состояние, в котором можно защищаться.

Как бы ни был потрясен и взбешен Конопатый, он быстро опомнился. Не успел я закрыть лицо руками, как он врезал мне – резкий хук справа, над левой скулой. На кулаке остались следы крови. Но выражение надменного самодовольства превратилось в недоумение, когда он заметил пятна телесного цвета мази месдет у себя на костяшках. Он снова посмотрел на меня и, наверно, именно тогда и увидел черные пятна вокруг моего левого глаза, словно переплетающиеся лозы чистой тьмы.

– Черная Тень, – прошептал он.

Эти слова пронеслись по толпе, как огонь по сухой листве.

– Дьявольская чума! – провозгласил какой-то зевака.

Многие в ужасе отшатнулись, но Конопатый явно не был слабаком и трусом. И когда он сказал:

– Чего странного, что вор проклят, – в его голосе не слышалось никакого страха.

Если бы они дали мне шанс объяснить, я сказал бы им, что Черная Тень – не чума и даже не проклятие, а что-то вроде таинственной болезни, проявляющейся у некоторых людей моего племени. Насколько мне известно, она даже не заразная, но я умолчал бы о том, что она

постепенно сводит людей с ума чудовищными видениями. А когда их магия начинает угрожать окружающим, то долг всякого мага джен-теп убить его на месте.

Но все это было неважно, потому что в тот момент Конопатый уже схватил меня за горло обеими руками. Я дергал его запястья, изо всех сил пытаюсь освободиться, но хватка у него была мертвая. Я отчаянно втягивал воздух через перехваченное судорогой горло. Мир вокруг меня начал сжиматься. Я подумал, вероятно, есть какой-то хитрый способ вывернуться из удушающего захвата.

Как-нибудь надо будет его освоить.

3

Алая цена

Я отключился не больше чем на секунду, потому что, перед тем как приложиться головой о землю, я приоткрыл глаза и увидел, что Конопатый отлетел в сторону. Поначалу я подумал, что как-то сумел задействовать новое и очень полезное заклинание, но потом увидел, что Фериус держит Конопатого за шиворот, и понял, что она просто оттащила его от меня.

Жаль. Побольше магии мне бы не помешало.

К тому времени как я отплевался от пыли, мой обидчик уже лежал на спине, а Фериус стояла между мной и каким-то здоровым широкоплечим бандитом, возможно, близкой родней Конопатого, потому что у них были одинаковые веснушки и высокомерие.

– Отойди, женщина, – сказал он, глядя на нее сверху вниз маленькими косыми глазами. – Душа этого парня принадлежит дьяволу, и я отправлю его в Темное место.

Темное место. В приграничье полным-полно таких утонченных духовных выражений.

– А теперь, друг, давай успокоимся и не будем так паниковать из-за обычного родимого пятна, – она сказала это с идеальной смесью укоризны и улыбки. – Не могут же такие просвещенные и образованные люди верить в старые сказки.

Назвать этих мужланов «просвещенными и образованными» было опрометчиво, но многим понравилось. Одна из женщин в толпе даже сделала шаг вперед, чтобы поближе меня рассмотреть.

– Если это просто родимое пятно, почему он его прячет?

Фериус подошла ко мне, наклонилась и стерла еще часть грима, обнажив извивающиеся черные пятна.

– Некрасиво, вот почему. Мальчик заботится о своей внешности!

Она расхохоталась во все горло. Толпе ее беззаботное веселье показалось заразительным. Не знаю, как ей это удастся, но Фериус всегда знает, что нужно сказать, чтобы склонить людей на свою сторону.

Ну, почти всех людей.

Косой ткнул пальцем в мою сторону.

– А я говорю, что у него дьявольская чума, а если и нет, то этот надутый мелкий джен-теп пытался ограбить мою родню. И теперь он заплатит алую цену.

В Семи Песках «алая цена» значит примерно то же, что и «ща тебе кровь пушу».

– Келлен уже достаточно заплатил за эту побрякушку, – сказала Фериус, кивая на Рей-чиса, который все еще сидел на вывеске и с удовлетворением изучал серебряный колокольчик. – А потом твой парень запросил еще.

– Плевать. Вор – он вор и есть, и алая цена означает, что он останется без пальцев.

Фериус улыбнулась ему своей самой непринужденной улыбкой.

– Лучше всего будет оставить все как есть. Ведь все запомнят, что твой родич дрался с парнем, который в два раза крупнее его. Будет что растрепать друзьям за кружкой в салуне.

Косой ухмыльнулся ей.

– Рассказ будет еще интереснее, если я покажу им пальцы твоего мальчишки.

У меня желчь подкатила к горлу. Я пришел в ужас при мысли о том, что Конопатый сломает мне пальцы. Если их отрежут, я больше никогда в жизни не сотворю ни одного заклинания.

Фериус заговорила тише, чтобы ее слышали только мы с косым бугаем.

– История будет куда увлекательнее, если твои приятели расскажут, что ты попытался отрезать парнишке пальцы, а тебя вздула женщина, которая тебе едва до груди достает.

На миг показалось, что Косой всерьез обдумывает ее слова, но потом он закатал рукава и сжал здоровенные мясистые руки в кулаки, так что костяшки затрещали.

– Никакой пощады только потому, что ты леди.

– О, я никакая не леди, не волнуйся. – Фериус сняла черную шляпу, какие носят в приграничье, и положила ее на землю. Рыжие кудри упали ей на плечи. – Хочешь потанцевать, приятель? Вот что я тебе скажу, – она указала пальцем в перчатке себе на подбородок, – ударь меня со всей силы, вот сюда. А если ты все равно будешь недоволен, очередь бить, дойдет и до меня, тогда мы посмотрим, чем дело кончится.

По толпе прокатился возбужденный шепот. Монеты снова и снова передавались из рук в руки, но ставили не на то, победит Фериус или проиграет, а на то, как долго она продержится и как сильно ей достанется.

Я знал Фериус Перфекс не слишком долго, но она ни разу не отступила ни перед кем и ни перед чем. Может быть, оттого, что она аргоси. На самом деле, скорее всего, потому что она чокнутая. Проблема была в том, что бугай думал так же, а судя по его виду, он мог ей и голову оторвать.

Я перекатился на бок и сгруппировался, готовясь вскочить на ноги. Фериус чуть заметно шевельнула пальцами, подавая мне сигнал не вмешиваться.

– Готов? – спросила она Косого. Отставив правую ногу чуть назад, она подалась вперед, словно приглашая Косого бить.

Он оглянулся, словно предлагая приятелям посмеяться вместе с ним, потом резко нанес удар, который мог бы снести тамариск в полтора человеческих роста – а всякий житель пустыни знает, как крепко тамариск держится за землю.

Я-то предполагал, что Фериус увернется, или отскочит, или еще как избежит удара, а может быть, поднырнет ему под руку и ударит в пах или по шее, но он двигался слишком быстро. Она получила удар прямо в челюсть, ее голова повернулась вправо, плечи и остальное тело последовали за головой, и Фериус, крутанувшись на 180 градусов, оказалась лицом ко мне.

Она стояла с растерянным видом, словно потеряла сознание, а ее тело еще это не сообщало. Я запустил руки в мешочки с порошками. Если Косой снова попытается ее ударить, я отправлю его на тот свет, а с последствиями разберусь потом. Впрочем, я не думал, что Косому придется бить еще раз – я в жизни не видел, чтобы кого-то били с такой силой, как Фериус.

Внезапно уголок ее рта поднялся вверх, и она подмигнула мне.

Не успел я вздохнуть с облегчением, как Фериус Перфекс повернулась к громиле, как будто ничего и не произошло.

– Будем считать, что ты набил руку. Хочешь попробовать еще, прежде чем придет моя очередь?

У Косого был такой вид, словно он проглотил собственный язык.

– Как?... Как ты?...

Фериус наклонилась и подобрала шляпу.

– Я понимаю, ты бил не слишком сильно. Если ты такой великодушный, может, дашь нам убратся восвояси?

На улице воцарилась гробовая тишина. Толпа смотрела и ждала, кто же сделает очередной ход. Я видел, как горожане заключили еще несколько пари и несколько человек проверили, легко ли их нож выходит из ножен. У Косого были приятели, готовые прийти на выручку. У нас, увы, не было никого. Все это время амбал просто таранился на Фериус, а она смотрела на него. Рейчис проверещал с вывески:

– Чего они пелятся друг на друга? Они что, собрались делать детей?

Менее всего в такой ситуации стоит по-идиотски хихикать, но именно это я и сделал. Гневные взгляды почти всей толпы обратились на меня – только два бойца продолжали смот-

реть друг на друга. Я не видел глаз Фериус, но то, что прочитал в них Косой, заставило его передумать насчет алой цены.

– Вы, пожалуй, выучили урок, – пробормотал он. – Верните амулет и идите своей дорогой.

– Договорились, – сказала Фериус. Она подошла к коновязи и отвязала наших лошадей. – Келлен, будь любезен, скажи белкокоту, чтобы он спустился сюда и вернул этому человеку его побрякушку.

Она повернулась и повела коней по улице к окраине городка.

Я все еще пытался понять, что же произошло, когда Рейчис прыгнул с вывески, растопырив лапы, и позволил меховым перепонкам между передними и задними конечностями поймать воздушный поток. По толпе пробежал встревоженный шепоток, изредка даже слышались вскрики. Некоторые подняли руки к груди, сплетя пальцы домиком. Наверно, это был какой-то местный оберег. Иногда народ вокруг Рейчиса становится суеверным.

Белкокот грациозно спланировал на землю, но эффект от его изящного приземления уменьшился, потому что он злобно зыркнул на меня, в то время как его проворные лапы отстегивали амулет от колокольчика.

– Если бы ты просто вырвал ему глотку, как я тебе говорил, мы бы уже могли перекусить его гляделками.

Он швырнул амулет за спину, а потом звякнул в колокольчик – специально для меня.

– А это я себе оставляю.

Он бросился вслед за Фериус, а я остался сидеть в грязи и пыли посреди толпы, которая наверняка гадала, не стоит ли все-таки отрезать мне пальцы.

– Лучше тебе сюда больше не соваться, чумной, – сказал кто-то.

Остальные проворчали что-то в знак согласия. Я кивнул и медленно встал на ноги.

Мне всего шестнадцать, а за мою голову назначена награда в половине мест, где я побывал. У меня нет ни денег, ни особых умений, а теперь нет и амулета, и как только я сотворю единственное доступное мне заклинание, о моем присутствии узнает каждый маг в приграничье.

Да, и мои спутники – странница-картограф, которая никогда не дает прямого ответа ни на один вопрос, и белкокот с наклонностями маньяка-убицы, предпочитающий любой еде – человеческие глаза.

Добро пожаловать в жизнь меткого мага вне закона.

4

Искусство выигрывать поединки

Остаток дня мы ехали по древней мощеной дороге, змеящейся через пустынные холмы. Кругом бушевали ветра, вздымавшие песок, словно волны бесконечного океана.

Фериус говорит, что Семь Песков названы так, потому что в каждом районе у песка свой цвет. Когда мы четыре месяца назад покидали земли джен-теп, то видели, что песок там по большей части золотисто-желтый из-за наличия железа и кварца. На севере с примесью хризолита, изумрудно-зеленого цвета. А теперь мы двигались на восток, где богатые залежи лазурита окрасили пустыню в темно-синий цвет. Я б, наверно, залюбовался пейзажем, если бы окружающие меня люди перестали желать моей смерти.

Потеряв амулет, деньги и почти все чувство собственного достоинства, я начинал испытывать серьезные сомнения касательно карьеры мага вне закона.

– Знаешь, я умру здесь.

У меня в голове эти слова прозвучали очень драматично, но из-за распухшего языка и едва не свернутой челюсти получилось что-то вроде:

– Ашь... яуу... есь.

Фериус уловила общий смысл.

– Сейчас приграничье для нас – самое безопасное место, малыш, с твоей Черной Тенью. Здесь меньше магов, чем в Оазисе джен-теп, меньше асассинов, чем в Дароменской империи, а про визирей Берабеска лучше и не говорить. Им стоит тебя только увидеть – и они тут же отправят тебя на костер.

– А эти варвары просто хотели отрезать мне пальцы.

Я снова потер щеку. Мне хотелось снова оказаться дома, в своем клане, среди джен-теп. Мама могла бы вылечить синяки и снять боль своими целебными мазями. А вместо этого я застрял в приграничье, где ржавая пила и совет стиснуть зубы заменили современную медицину.

Конечно, будь я дома, младшая сестра Шелла уже засмеяла бы меня за то, что мне так досталось. Я так и видел, как она стоит, скрестив руки и неодобрительно подняв брови.

«Маг джен-теп из дома Ке не боится приграничных бродяг и жалких магов-ищек, Келлен», – прозвучало в моей голове.

Я скучал по Шелле. Даже несмотря на то, что мы спорили практически из-за всего, она была моей сестрой. Я даже скучал по матери и отцу, хоть это они отобрали у меня магию, обнаружив, что у меня Черная Тень. Но больше всего я скучал по Нифении. По ее темным волосам и застенчивой улыбке, по тому, как всякий раз, как я думал, что раскусил ее, оказывалось, что я ошибся. Мы поцеловались всего однажды, но клянусь, что даже несмотря на синяки у меня на лице, я все еще ощущал мягкое, неуверенное прикосновение ее губ к моим.

О предки, как же я хотел вернуться домой.

Конечно, дома мне желало смерти куда больше людей, чем во всем приграничье. И как прикажете мне защищаться от боевых магов и магов-ищек, когда я не смог отбиться даже от тощего тринадцатилетнего мальчишки? Рейчис, примостившийся у меня на плече, громко фыркнул. Несмотря на то что он был великоват и тяжеловат, дабы сделать поездку удобной для всех нас, он завел привычку устраиваться у меня на плече – и не только из симпатии ко мне: коротышка просто любил смотреть на всех свысока.

– Надо было слушать меня, – прошепелявил он. Иногда он прикладывался к фляжке с выпивкой, которую Фериус хранила в седельной сумке. Я несколько раз открывал и закрывал рот и, наконец, сумел произнести слова внятно, хотя мне было больно.

– Это в чем же?

Рейчис снова фыркнул мне в ухо. Это он так вздыхает.

– Во-первых, вцепиться зубами ему в глотку, – он широко раскрыл пасть, демонстрируя клыки, и выпятил челюсть. – А потом трясти, пока горло не порвется. Пустяк.

– Ага. В следующий раз запомню.

Нет смысла спорить о драках с белкокотом. Всякий раз, когда я вступал в спор, он кусал меня и говорил: «Видишь? Видишь? Ну и кто теперь глупое бессловесное животное?»

– А еще можно глаза вырвать, – добавил он. – Тоже работает.

– Понял.

– Или уши оторвать. Так сразу и не подумаешь, но, когда отрываешь кому-то уши, ему и правда больно.

Фериус усмехнулась.

– Мелкий засранец опять про глаза талдычит?

У Фериус нет такой связи с Рейчисом, благодаря которой у меня в голове его верещание и ворчание превращаются в слова, но она явно провела достаточно времени в обществе белкокоотов, чтобы знать, что они считают себя лучшими среди хищников.

– Сейчас он начал про уши, – ответил я.

Фериус покачала головой, и ее рыжие кудри тоже всколыхнулись.

– С белкокотами всегда так. Глаза, уши, языки. Хоть бы что-то новенькое иногда придумывали.

– Эй, я вшегда говою – абоает – и хоошо.

Я повернул голову и посмотрел на Рейчиса.

– Ты что, пьян? Говоришь как-то странно.

Фериус усмехнулась.

– Он не пьян, малыш.

– Тогда что же?...

Нечто вроде самодовольной ухмылки осветило мохнатую мордочку белкокота.

– Что ты натворил, Рейчис?

Он не ответил, поэтому я уставился на него в упор. От игры в гляделки ему не по себе. Через несколько секунд он открыл пасть, поднял язык, и я увидел три монетки.

– Вот паршивец... Ты пробрался в лавку? Пока из меня делали отбивную, ты залез в лавку и снова украл?

Рейчис соскочил с моего плеча на переднюю часть седла, залез лапой в пасть и достал монетки.

– Эй, забыл, что ли, что эти жлобы ограбили нас? – пробормотал он. – Должен же был кто-то вернуть наши по^том и кровью заработанные денежки.

И он запихнул монетки в черный мешочек под седло. Он попросил меня купить этот мешочек, чтобы ему было где хранить свои личные сокровища, и однозначно дал понять, что случится с пальцами, которые случайно залезут внутрь. Вот вам и «наши» по^том и кровью заработанные деньги.

Мы ехали, пока солнце не скрылось за горизонтом. Только тогда Фериус спросила:

– Готов поговорить о том, что произошло в городке, малыш?

– Когда меня едва не задушили?

– Когда ты едва не оторвал мальчишке голову своим заклинанием.

Предполагалось, что Фериус учит меня выживать. Как по мне, она куда больше беспокоилась о других людях.

– Таким количеством порошка никого не убьешь, – настаивал я. – Разве что...

– Разве что... Подождешь? Изуродуешь на всю жизнь?

– Это все Черная Тень, – попытался объяснить я. – Иногда от нее...

– Она показывает тебе безобразие этого мира, Келлен, – оборвала меня Фериус. – Это не дает тебе права быть таким же безобразным. Путь аргоси не такой.

«Путь аргоси. Что бы это ни значило».

Я хотел отвернуться, но она протянула руку и взяла меня за подбородок. Хватка у нее была цепкой, ей даже не помешало то, что мы ехали верхом.

– Линий становится больше каждый раз, как ты используешь магию, верно?

– Тебе кажется, – сказал я, стряхивая ее руку. – И вообще, как еще мне защищаться, если ты не учишь меня боевым приемам аргоси?

– Сколько раз говорить тебе, малыш, таких приемов не существует, – она достала из жилетного кармана длинную тонкую курительную соломинку. – Драцца – тоже не путь аргоси.

«Драцца» – так Фериус говорит всякий раз, как я влипаю в неприятности.

– Но я же видел, как ты побила этого амбала в городке. Он же был здоровый, как буйвол.

– Не маленький, – согласилась Фериус. – Но я с ним не дралась. Я с ним немного потанцевала.

– Его удар обычному человеку голову бы снес. У тебя челюсть небось железная!

Она улыбнулась, словно я сказал что-то смешное, и зажгла свою соломинку от спички, извлеченной из рукава льняной сорочки. Глубоко, медленно затянувшись, она выпустила густой клуб дыма, окутавший нас голубовато-белой пеленой.

– Малыш, челюсть у меня не крепче твоей. Или любой другой. Вспомни, что ты на самом деле видел, а не то, что ожидал увидеть.

У меня хорошая зрительная память – развилась за годы практики представления заклинаний перед тем, как их сотворить. Я вспомнил драку. Фериус, отставив правую ногу назад и наклонившись вперед, подставила челюсть противнику. Косой замахнулся, и вся сила разворота ее бедер и плеч ушла в его удар. А потом... Было что-то странное в том мгновении. Все произошло слишком быстро, чтобы толком рассмотреть, но когда я задумался о том, что же я видел, я мог поклясться, что, к тому моменту, как удар Косого достиг цели, Фериус не только развернулась на 180 градусов, но и всем телом отклонилась назад. А это значило, что ровно в тот миг, когда кулак коснулся ее лица, Фериус развернулась, в точности следуя за линией удара, чтобы ослабить его силу.

– Ты обманула его, – вдруг сказал я. – Выглядело так, как будто он тебе врезал, но ведь он тебя едва зацепил, так?

Фериус потеряла челюсть.

– Он меня зацепил достаточно. Не то сообразил бы, что я увернулась от основного удара.

– Но двигаться так быстро, это же...

– Танец, – сказала она.

Изучая магию, прежде всего учишься точности. Заклинания – точная наука. Каждый слог, каждая соматическая фигура, каждый образ, который рождается в голове, – все должно быть безупречно. Но вся моя наука и близко не подходила к тому, что должна была уметь Фериус, чтобы повернуть такое.

– Расчет времени должен быть идеальный, – сказал я почти шепотом.

– В танце нужно чувствовать время, – ответила Фериус, как будто это все объясняло.

У меня это все еще в голове не укладывалось.

– Но ты должна была точно знать, куда он ударит. Но как ты могла это знать? Разве что...

И тут до меня дошло: там, в городке, она точно указала пальцем на свой подбородок и наклонилась вперед, так, что ему было удобно бить только туда. И все равно – каждое движение, угол наклона – все должно было быть идеально выверено.

– Он мог сломать тебе шею.

– Мог.

Я почувствовал, что щеки у меня налились краской от стыда.

– Ты рисковала жизнью, чтобы спасти меня. Опять.

Фериус поправила шляпу и заправила под нее выбившиеся кудри.

– Я вся такая благородная, да?

Не успел я ответить, как она пустила лошадь рысью, и моя тоже прибавила ходу.

– Давай-ка отъедем подальше от этого городка, – сказала она, – чтобы мне не пришлось демонстрировать благородство дважды за день.

5

Истории у костра

В ту ночь мы разбили лагерь, как обычно. Фериус отправила меня собирать хворост, а сама расставила свою любимую коллекцию ловушек. Она ни разу не дала мне на них взглянуть, что бесило меня несказанно. Рейчис отправился на охоту и притащил слегка изуродованные останки кролика в дополнение к нашему ужину. Меха белкоката приобрел зеленовато-бурый оттенок, а полоски стали похожими на тонкие угловатые веточки полыни.

Белкокоты умеют менять цвет шкуры, чтобы сливаться с окружающей средой, и поэтому они отличные охотники. Любимая тактика Рейчиса – спрятаться за кустом. Ведь к тому времени, как кролик или любая другая мелкая зверушка подберется настолько близко и догадается, что перед ней не просто какой-то особенно пышный куст, станет уже слишком поздно.

Мой народ кроликов обычно не ест, но мне они нравятся. Заметьте, однако, ничто не может внушить отвращение к вкусу любого животного быстрее, чем звуки, с которыми Рейчис его убивает. Проблема не столько в том, с какой свирепостью он в них вгрызается, сколько в том, что он продолжает беседовать с ними, когда они уже умерли.

– Вот так, глупый грызун. Кто тебя убил? Я тебя убил, – Рейчис стоял над трупиком кролика, кровь которого капала с его морды. – Когда попадешь на тот свет, скажи своему глупому кроличьему богу, что это я вырвал тебе глотку, а теперь мне хочется божественной кроличьей плоти.

Иногда его заносит в поэзию. По большей части на темы насилия.

Час спустя, когда еда была приготовлена и мы ее уже наполовину съели, Рейчис продолжал восхвалять свою великую победу, подробно описывая каждую мелочь; с новыми комментариями история становилась еще красочнее.

– Вы видели, какие зубы были у этого кролика? – спросил он нас. – Здоровенные. Как у льва, вот какие. Я даже не уверен, что это был кролик. Наверняка это был какой-то гибрид, полукролик-полумедведь.

В такие минуты лучше всего молча продолжать есть и дать Рейчису выговориться. Обычно помогает представлять его не двухфутовым белкокотом, а восьмифутовым львом.

Иногда я спокойно слушаю, как он бахвалится; ночами в чистом поле делать обычно нечего. Кони уже накормлены и напоены, огонь горит всюду. Чаще всего я просто смотрю на языки пламени, пытаюсь не дрожать, пока у меня в голове одна воображаемая катастрофа сменяет другую. Раньше я трясся куда больше, но в последнее время, видимо, привык все время бояться.

Фериус обычно сидит, скрестив ноги, бренчит на маленькой гитаре, которую всюду таскает с собой, и рассказывает истории – она знает их сотни. Я почти уверен, что почти все это – выдумка. Особенно невероятные, лихие приключения, которые, по ее словам, она пережила с разными замечательными людьми в разных экзотических местах, о которых я никогда не слышал. Учитывая, что в школе я много учил географию, я был вполне уверен, что все эти места она тоже придумала.

Рейчис любит во всем быть первым, так что он всегда пытается обскákat ее со своими собственными рассказами. Они бывают двух видов: про необыкновенно огромных животных, которых он убил, и про невероятные сокровища, которые он украл. Ни первому, ни второму особых подтверждений нет, но он все равно заставляет меня переводить эти повествования о белкокотской отваге, чтобы Фериус не упустила ни одной подробности, и вечно требует, чтобы я подчеркнул: «А в следующей части, которая, кстати, чистая правда...» Фериус умеет замечательно притворяться, что она ему верит. Пара сильных укусов в руку – и я тоже научился.

В ту ночь Рейчис как раз начал в особенно кровавых подробностях живописать, как он убил – и сожрал – зверушку, которая, по моему глубокому убеждению, была просто крупной мышью, когда Фериус неожиданно прервала его и убрала гитару в полотняный чехол.

– На сегодня с историями покончено.

– Правда? – спросил Рейчис. – А как насчет истории про аргоси, которой откусили поллица за то, что мешала рассказывать?

Фериус проигнорировала его трескотню, подошла к нашим седельным сумкам и стала что-то искать. Когда она выпрямилась, в руках у нее была колода карт, которую я узнал: стальные, тонкие, острые как бритва. В ее руках они были смертельным оружием. Она сдвинула колоду и протянула мне половину.

– Сегодня мы будем тренироваться бросать карты? – спросил я. Она научила меня основам в первую же нашу встречу, и у меня уже неплохо получалось.

– Можно и так сказать, – она всматривалась в длинную дорогу, петлявшую по склону холма к городу. – А пока помолчи, ладно, Келлен?

– Что?...

Она качнула головой, жестом велев мне заткнуться. Что-то происходило. Я закрыл глаза, пытаюсь расслышать то, что услышала Фериус. Пустыня всегда кажется тихой, но, если прислушаться, там стоит непрерывный шум: звери шуршат на холмах, трещат насекомые, ветер шелестит листьями и песком. Я не сразу расслышал под этим гулом стук конских копыт. Один всадник, решил я, хотя не слишком разбирался в таких вещах. Я поймал взгляд Фериус, гадая, почему она так волнуется. Даже если кто-то из горожан решил нас преследовать, нам вряд ли стоит особо бояться.

Я услышал глухое ворчание, посмотрел вниз и увидел, что Рейчис принюхивается. Его шкура почернела и взъерошилась.

– Вот дрянь, – сказал он.

– Что такое? – мой голос звучал даже тише шепота.

– Воздух воняет магией, – ответил он. – Магией джен-теп.

Я едва удержался от желания крепко сжать карты – они поранили бы мне руки. У человека из моего народа могла быть только одна причина оказаться здесь, в приграничных землях, посреди ночи: меня нашел маг-ищейка.

6

Шелк и железо

Человек, прибывший убить меня, сидел верхом на белом коне и улыбался так, словно мы были старыми друзьями, только я был совершенно уверен, что никогда раньше его не видел. Он был высокого роста, его безукоризненно уложенные светлые волосы падали на широкие плечи, покрытые длинным алым плащом, остававшимся безупречно чистым, несмотря на дорожную грязь и пыль. Он был красив до нелепости.

Странно, что меня это так задело. Оказавшись лицом к лицу со смертью, люди обычно забывают про тщеславие, но, честно говоря, если уж мне предстояло умереть, мне бы хотелось, чтобы меня убил какой-нибудь уродец.

Маг изящно спешил, словно всю жизнь провел в седле, что было странно: джен-теп – никудышные наездники. Его ноги коснулись земли совершенно бесшумно.

– Предки благосклонны ко мне, – сказал он. – След той дичи, на которую я охотился, совсем простыл, и я уже опасался, что зря проделал такой путь. И вдруг – ты, идешь прямо мне в руки – Келлен, сын дома Ке!

– А он умеет торжественно выйти на сцену, – заметил Рейчис, забираясь мне на плечо. – Ты должен научиться тому же.

– Немедленно займись, – пообещал я. Желудок сжался, и не только от страха, но и потому, что я сам был во всем виноват. Ведь маг меня даже не искал, пока я, как дурак, не воспользовался магией в уличной драке с тощим подростком. Если бы я послушался Фериус, он никогда бы нас не нашел. Но нет, я привел его прямо к нам.

– Ты нашел не того парня, – сказала Фериус, непринужденно улыбаясь охотнику за головами. Поза у нее была расслабленная, словно это было просто какое-то недопонимание. – Моего племянника зовут Барран, и он такой же джен-теп, как и я.

Рейчис тихо хихикнул мне в ухо:

– Барран. Хе.

Маг остановился примерно в пятидесяти футах от нас. Слишком далеко, чтобы я мог пустить в ход свои порошки, но достаточно близко, чтобы он достал нас множеством весьма неприятных заклинаний.

– Недопонимание, говорите? Как странно, – он наклонился, схватил пригоршню песка и подбросил его в воздух, прошептав несколько слогов. Песок не упал обратно на землю – крохотные частицы повисли между нами, а потом стали складываться в подобие моего лица. Под картинкой возникли две сигиллы, написанные изящной придворной каллиграфией джен-теп. Первая гласила «Черная Тень», а вторая – «Смерть».

Я впервые видел ордер-заклинание, хотя всех джен-теп учат распознавать их. Это заклятия, которые может наложить всякий достаточно умелый маг, с целью опознать беглеца, которого преследует. Это не самое простое заклинание, но чтобы оно сработало так далеко от Оазиса, его должен сотворить один из лорд-магов моего клана. Видимо, мой народ ненавидел меня еще больше, чем я думал.

– Ты мог бы гордиться тем, какая награда назначена за твою голову, – сказал маг. – Почти в три раза больше, чем я получил бы за свою первоначальную добычу.

– Как по мне, – заговорила Фериус, с привычной легкостью вращая карты вокруг пальцев, – эта хитрая песочная картинка ничуть не похожа на старину Баррана. Ищи-ка ты свою награду в другом месте, и тогда между нами больше не возникнет никаких недопониманий.

На лице мага мелькнула тень улыбки, когда он разжал кулак и песок рассыпался на землю. Я ни за что бы не разглядел его так хорошо в темноте, но магия, бурлящая вокруг вытатуированных у него на предплечьях узоров отбрасывала на его лицо свет шести разных цветов.

– Эй, Келлен, – подал голос Рейчис.

– Чего?

– У того парня, который последний пытался нас убить, – сколько у него светилось татуировок?

– Три, – ответил я. Каждому будущему магу джен-теп накалывают татуировки с помощью особых металлических чернил, соединяющих магов с силами разных форм магии: железом, огнем, дыханием, кровью, песком и шелком. По большей части у магов светится по две-три татуировки, те, которые они открыли в себе. Железо и огонь, например, хороши для мага-воина, а железо и шелк – идеальное сочетание для мага цепей. Я даже не мог сказать, каким магом был этот, потому что у него сияли призрачным светом все шесть татуировок.

– Эээ... шесть – это хуже, да? – спросил Рейчис.

– Ага.

Шесть означало, что нам крышка.

Я посмотрел на Фериус, надеясь догадаться, каков ее план. У Фериус всегда есть план. Но она просто смотрела на нашего врага, ожидая, когда он сделает свой ход.

– Ты расставила ловушки вокруг вашего лагеря, – сказал маг, приближаясь к нам по широкому кругу. Его шаги были совершенно бесшумными. Он играючи обходил силки и острые колья, которые я все равно не мог разглядеть.

– С чего ты это взял? – спросила Фериус.

Маг на мгновение прижал палец к виску.

– Магия шелка. Я следил за тобой с помощью своих чар несколько часов, все ждал, когда ты подумаешь, что будешь делать, – он прищурился на нее. – Весьма примечательно. Ты сумела не думать о своих хитростях и уловках. Твои планы почти невозможно подсмотреть. У тебя невероятно дисциплинированный разум.

– Неа, – сказала Фериус, – просто память девичья, вот и все. А еще я неуклюжая, – одна из ее карт взвилась в воздух, словно метательный нож – прямо к шее мага. И ровно перед своей целью просто упала на песок.

– Впечатляет, – сказал он, а его руки по-прежнему были опущены вдоль тела.

Это было бессмысленно. Для заклинания щита нужна конкретная соматическая фигура. Его нельзя вызвать одним усилием воли. Как он это сделал?

– Эй, очнись, – сказал Рейчис, впиваясь когтями мне в плечо. – Пора поджарить этого парня.

Несмотря на все мои сомнения, я спрятал свою половину колоды в карман, потом сунул руки в мешочки на поясе и бросил щепотки красного и черного порошков в воздух. Мои пальцы сложились в соматическую фигуру.

– Караф, – произнес я, сотворив заклинание. Всполохи огня осветили тьму, рев эхом раскатился по открытой местности, но пламя уже исчезло в каком-то дюйме от цели. Это было просто невозможно. Есть только один способ удержать щит, не используя магический жест, – стоять в круге из зачарованной медной сигильной проволоки. Но проблема была в том, что маг двигался к нам.

– Что-то с ним не так, – прорычал Рейчис.

– Мысли есть?

Иногда Рейчис видит то, чего не вижу я.

– Ага. Слишком уж он красивый для человека.

Ладно. Иногда от прозрений белкокотов толку – чуть.

Маг явно забавлялся, наблюдая за нами.

– Так это правда? Некхек говорит с тобой, как ему подобные говорили с медеками сотни лет назад? Интересно, что же он говорит?

Я тщательно обдумал свой ответ. Фериус говорит, что перед лицом верной смерти нужно выглядеть уверенно.

– Он говорит, что от тебя воняет, и хочет знать, не ел ли ты гнилое мясо.

Маг покачал головой – я его явно разочаровал. Он не оценил мое чувство юмора, потому что в следующее мгновение я согнулся пополам от боли. Все мое нутро раздавливали в кашу.

Мне в голову пришло несколько замечательных идей сразу. Во-первых, что мне пора уносить ноги. Вот прямо сейчас. Разумеется, это было невозможно. Нельзя убежать, когда из твоих внутренностей – желудка, почек, сердца и печени – делают свежавыжатый сок. Вторая мысль была о том, что надо меньше слушать Фериус, когда она разглагольствует про уверенный вид. Третья была вопросом: как этот маг умудряется творить заклинания, не складывая соматических фигур и не произнося слов?

Рейчис зарычал, спрыгнул с плеча и понесся по песку. На расстоянии прыжка от мага он вскочил на задние лапы – и тут же рухнул на песок, словно с размаху врезался в стену. Маг кивнул – заметьте, даже не сделал жест, а просто кивнул – и Рейчис взлетел в воздух и грохнулся на бок в нескольких футах от меня. Я попытался дотянуться до него, но боль была такой, что я не мог даже рукой пошевелить.

Фериус начала медленно приближаться к магу, словно охотилась за каким-то пугливым зверем.

– Перестань мучить парнишку. Совсем не хочется портить твою шикарную прическу.

Мага эта пустая угроза только насмешила, но тем не менее боль вдруг отпустила мои внутренности.

– А ты забавная, женщина, и, честно говоря, не хотелось бы наживать врага аргоси. Вы ведь любите поторговаться, так?

– Я в своей жизни заключила пару сделок.

– Тогда предлагаю тебе сделку всей жизни: уходи отсюда. В обмен я усыплю мальчишку, прежде чем отправить его душу в ту бездну, где ей самое место, – он посмотрел на Рейчиса. – Некхека тоже нужно уничтожить. И тогда с этим неприятным делом будет покончено.

Фериус сделала еще один шаг в сторону мага.

– Боюсь, друг, что не могу принять твое щедрое предложение.

Он удивленно посмотрел на нее.

– Он – джен-теп. Он ничего для тебя не значит, и ты все равно готова расстаться с жизнью в безнадежной попытке его спасти?

– Нет, малыш меня раздражает, – ответила она, – а вот к белкокоту я уже начинаю привязываться.

Я едва разглядел движение ее руки, и вдруг полдюжины стальных карт, распарывая воздух, уже летели в направлении мага. Не успели они отскочить от его щита, как Фериус прыгнула вслед за ними, перекатилась через плечо и оказалась у него за спиной. Ее рука взлетела вверх, и я увидел остальные карты, развернутые веером. Они словно сложились в лезвие секиры. Аргоси взмахнула и должна была распороть мага сухожилия – но... ничего не произошло.

– Все? – спросил он.

– Говорю тебе, в этом парне есть что-то неестественное, – пролепетал Рейчис. Он вскочил и начал рыть землю передними лапами, готовясь к атаке. – Таких красавчиков не бывает.

– Очень полезно, – сказал я. Проблема была совсем не во внешности напавшего на нас мага; проблема была в его... Погодите секунду... Вот же он, стоит посреди пустыни, вокруг него клубятся грязь и пыль приграничья, а одежда на нем такая чистая, словно он только что вышел из личной гардеробной. И не только это было странно: вытатуированные у него на руках узоры светились слишком ярко даже для лорд-мага. Не говоря о том, что он не был похож на ищейку, которая всю жизнь мотается по приграничью и ищет беглых джен-теп. Да еще ступал

он совершенно бесшумно... Конечно же, ему не нужно было делать никаких соматических жестов или произносить заклинания, чтобы сотворить чары. Его на самом деле здесь и не было.

– Это иллюзия! – крикнул я. – Он у нас в головах!

– Скорее это вы все у меня в голове, – сказал маг. – Довольно хитро придумано, позвольте заметить...

– Заткнись, – крикнула Фериус, подняв стальные карты, которые метнула в него, и рысью бросилась ко мне. Она закрыла глаза и сложила карты в обеих руках острыми как бритва веерами, которые двигались изящно и плавно, словно стебельки травы, качающиеся на ветру.

– Что ты делаешь? – спросил я, запуская руки в мешочки, готовый сотворить новое заклинание, но понятия не имел, куда целиться.

– Он играет с нами, – сказала Фериус, быстро двигая руками. – Никто не тратит столько времени на иллюзию, только чтобы выпендриться. Он здесь не один.

Двое. Я мысленно выругался. Вот почему он не нападал на нас. Это был вовсе не необыкновенно могущественный лорд-маг, у которого сияли все шесть татуировок – он пустил в ход только магию шелка, чтобы запудрить нам мозги, пока его партнер подбирался к нам поближе, чтобы нанести удар.

Фериус находилась в постоянном движении, острые стальные карты летали по непредсказуемым траекториям, так что попасть в нее было нелегко. Но если этот второй – маг войны, он может занять позицию и швырнуть в нас заклинанием.

– Рассредоточимся, – сказала Фериус. – Нельзя, чтобы он одним заклинанием уложил сразу всех.

Рейчис заворчал на стоящего перед нами призрака.

– Я теперь чувю обоих. Один совсем рядом, а другой где-то в полумиле.

Внезапная боль, пронзившая живот, подтвердила, что один из наших противников – тот, кого маг шелка прикрывал заклетием, – пользуется простой магией железа. Значит, у него сияет только одна татуировка. Можно было бы порадоваться – если бы я только мог его увидеть. Вопль боли сорвался у меня с губ.

– Пригнись! – крикнула Фериус.

Это было нетрудно, потому что я уже скрючился от боли. Одна из ее карт пролетела у меня над головой, и миг спустя я услышал стон где-то у себя за спиной. Боль в кишках снова исчезла.

– Не разгибайся! – велела мне Фериус, метнув в воздух еще несколько карт. Ни одна не попала в цель. Магия железа предназначена как для атаки, так и для обороны, а щит сердца – одно из немногих заклинаний, которые можно творить вместе с другими чарами.

– Аргосская мерзавка, – прозвучал голос. Я огляделся и ничего не увидел.

Фериус застонала и упала на колени. Grimаса исказила ее лицо. Она попыталась бросить еще одну карту, но не смогла: ее мышцы свело от боли, которую наслал на нее маг железа.

– Нужно было соглашаться на нашу сделку, – сказал маг шелка. Иллюзия растаяла, – притворяться уже не было нужды. – Я действительно оставил бы тебя в живых.

Фериус корчилась на земле, ее лицо исказилось от муки – я совсем не узнавал дерзкую, самоуверенную женщину, которая еще несколько мгновений назад рисковала жизнью, чтобы защитить меня.

– Хватит! – заорал я в темноту. – Принимаю твою сделку. На ордере – мое имя, не ее и не белкокота!

Смех, прозвучавший у меня в ушах, раздавался из ниоткуда и отовсюду одновременно.

– Нет, Келлен из дома Ке. Теперь я вижу, что только благодаря ей ты до сих пор жив, а это преступление против наших законов и нашего народа. Но не волнуйся, мы и до тебя скоро доберемся!

Рейчис в бессильной злобе нарезал круги вокруг нас.

– Не могу его найти, – проворчал он. – Проклятая магия джен-теп!

– Малыш, – прохрипела Фериус, – помолчи и послушай.

– Я слушаю. Ты хочешь, чтобы я...

– Нет, – она судорожно хватала воздух. – Слушай не меня, идиот. Его.

Вдруг я понял, что она хочет сказать, и то, почему Фериус, даже когда маг железа медленно сдавливал ей внутренности, заставляла себя молчать. Она давала мне шанс вычислить нашего врага.

– Рейчис, замри, – рявкнул я и сосредоточился на звуках пустыни, как раньше это делала у меня на глазах Фериус. Может быть, маг железа и невидим, но дышать-то ему все равно нужно. Главное – слушать.

Я впустил в себя шум пустыни и прислушался. Жужжание насекомых. Зверушки роют норы. Стук моего собственного сердца. Ветерок. Нет... только не ветер. Сообразив, где может быть второй маг, я снова достал оба порошка – на этот раз много.

Есть еще одна магия, которой я могу воспользоваться, однажды с ее помощью я пробил щит джен-теп. К красному порошку в левом мешочке все еще было примешано немного крови матери Рейчиса.

– Караф Читра, – произнес я, и заклинание с воем взмыло в воздух.

Огненный взрыв разорвал щит моего врага, как Рейчис разрывает глотку кроликам, но, вычисляя местонахождение противника, я ошибся примерно на фут. Его щит пробило, но самого мага не задело. Не успел я предпринять новую попытку, как он снова пустил в ход чары меча, и от боли я уже ничего не мог. Я повернул голову и увидел, что Фериус лежит на земле без сознания. На этот раз маг железа сосредоточился только на мне.

Пять секунд, подумал я. Если бы я не опоздал всего на пять секунд, если бы мое заклинание было чуть сильнее, если бы я был хитрее, мой враг был бы разбит. Но я двигался слишком медленно, я был слишком слаб, а главное, слишком глуп. А теперь из-за меня умрут Фериус и Рейчис.

– Все кончено, – сказал у меня в голове маг шелка. – Тебе долго везло, Келлен, но никому не удастся долго скрываться от правосудия джен-теп. Когда ты достигнешь Серой Пустоши, моли наших предков о милосердии, чтобы они не отправили твою душу в преисподнюю, чего ты более чем...

Он замолчал на полуслове. Заклинание мага железа все еще скручивало мои внутренности в узлы, но в голове начало проясняться, окружающий пейзаж обрел четкость, цвета стали ярче. Я все еще не видел мага шелка, но примерно в двадцати футах от меня стоял сутулый человек в длинном дорожном одеянии. Его правая рука была сложена в соматическую фигуру для сотворения чар меча. От чего бы ни замолчал мой противник, на мага железа это не повлияло.

– Рейчис... – простонал я, пытаюсь удержаться на ногах.

– Он мой! – прорычал белкокот, рванув с места в карьер. Взяв разбег, он прыгнул, оттолкнувшись мощными задними конечностями, и взлетел в воздух футов на восемь, широко раскинув лапы. Тонкие, покрытые мехом перепонки расправились, поймав поток воздуха за секунду до того, как Рейчис обрушился на мага железа. Вам в лицо никогда не бросался белкокот? Знаете, это слегка нервирует. Маг удержал свой щит, а вот на чарах меча сосредоточиться уже не смог.

Я быстро и отчаянно втягивал воздух, схватив порошки, а мое сознание уже искало спокойствия и ясности, необходимой для сотворения заклинания.

– Рейчис, брысь.

Белкокот унесся во тьму.

– Поджарь его, Келлен.

Маг снова обратил внимание на меня, но прежде чем он вновь успел сотворить заклинание меча, я подбросил порошки в воздух, сложил руки в соматические фигуры и в последний раз произнес свое заклинание:

– Караф Читра.

Красно-черное пламя во второй раз пробило щит и на этот раз добралось до мага. Огненная стихия прорвалась, окружила его, и ищейка закричал от боли. Надолго заклинания не хватило – но и мага тоже. Остатки щита все же сохранили ему жизнь, но, когда он без сознания рухнул наземь, я увидел его ожоги. В ушах зашумело, я чуть не выплюнул легкие, пыхтел и хватал воздух так, словно только что пробежал много миль, со лба стекал пот. Я заставил себя дышать медленнее, чтобы ноги снова начали мне повиноваться и я смог добраться до Фериус и убедиться, что она жива.

Рейчис подошел ко мне, его мех превратился в грязную массу, красно-черную, как цвета моего заклинания.

– В кои-то веки удачно попал.

– Спасибо. В кои-то веки.

– Вот только у нас есть проблема.

– Всего одна?

– Ну да, – он ткнул лапой в сторону человека в одеждах мага, которого я только что вырубил. – Если он на нас нападал, то кто создавал иллюзию?

Ах да. Точно.

7

Путница

Мы стояли в темноте, ожидая, какая катастрофа свалится на нас теперь.

– Может, второго парня кондрашкахватила, – заметил Рейчис.

– Может быть.

Я потерял руки, пытаюсь избавиться от онемения – я слишком много раз подряд сотворил свое единственное заклинание. Если понадобится еще, я останусь без пальцев. Рейчис обернулся к магу железа, который лежал без сознания у нас за спиной.

– Он на вид совсем старый. А если и второй тоже старый, а, Келлен? От магии тело изнашивается, да? Может, он просто взял и помер?

– Все может быть.

В нескольких ярдах от нас гаснущие угольки костра отбрасывали свет на лежащую на земле Фериус, и я увидел, что она еще дышит. Может, с ней все будет хорошо. Может, она в любую минуту поднимется на ноги, отряхнется от пыли и скажет что-то такое хитрое и непонятное.

– Должно же нам повезти в один прекрасный день.

Рейчис понюхал воздух и потянул меня за штанину.

– Келлен?

– Чего?

– Сегодня не прекрасный день.

До нас донеслись звуки шагов на дороге.

– Сколько? – спросил я тихим голосом, все еще лихорадочно растирая пальцы.

– Трое. Один мужчина, две женщины, – он снова понюхал воздух. – Мужчина старый. Одна из женщин уже взрослая, а вторая – кутенок, как ты.

– Мне шестнадцать. Я не «кутенок».

– Как чую, так и говорю.

Три фигуры появились на краю дороги – силуэты в тусклом свете полумесяца. Я несколько раз моргнул и только тогда смог разглядеть их получше. Первой шла женщина, высокая, одетая в свободную бело-коричневую льняную одежду, державшуюся на кожаных ремнях; лицо ее почти целиком закрывала такая же льняная ткань, из которой было сделано ее платье. На плече, точно мешок с зерном, она несла тощего мужчину в грязно-белом плаще. За ней с неохотой тащился ослик, на котором ехала девочка в чем-то вроде коротких штанов и куртки для верховой езды, которые обычно носили в приграничье. На глазах у нее была повязка из льняной ткани.

– Думаешь, она пленница? – спросил Рейчис. У него пунктик насчет пленников.

Я не ответил, решив, что мы и так скоро все узнаем.

– Ни шагу дальше! – крикнул я. – Стойте, если хотите дожить до рассвета. Сегодня я уже поджарил одного и с удовольствием сделаю это снова, если вы подойдете ближе.

Мне это казалось вполне приемлемой угрозой, но на женщину она не произвела никакого впечатления.

– Это было бы весьма неразумно.

– Да? И почему же? – спросил я, изо всех сил притворяясь, что меня это слегка забавляет.

– Посмотри на свои руки.

Я посмотрел и увидел, как сильно они дрожат. Вот в чем проблема: когда оказываешься на волосок от смерти и не умираешь, начинаешь бесконтрольно трястись. И трудно заставить свои конечности успокоиться.

– Зато я не дрожу, – проворчал Рейчис; шерсть у него на загривке вздыбилась, и он двинулся в ее сторону.

– Будь любезен, попроси своего зверя не нападать, пока я не избавилась от этого довольно вонючего груза, – женщина с закрытым лицом остановилась в нескольких футах от меня и скинула человека со своего плеча на землю.

Теперь, когда иллюзия исчезла, я увидел мага таким, каким он был на самом деле: хрупким стариком с ничем не примечательными чертами лица и морщинистой кожей, которую слишком долго обжигало солнце. Я наклонился и по очереди закатал оба его рукава. На костлявых предплечьях сияло только по одной татуировке с узорами магии шелка, и все. Скорее всего, так же обстояли дела и с его партнером, который использовал против нас магию железа. У нашего народа эти двое стали бы объектами для бесконечных насмешек. Может быть, они, как и я, были меткими магами, которые надеялись заслужить награду за поимку Черной Тени и таким образом вернуться в клан?

Женщина смотрела на мага, лежавшего между нами без сознания.

– Мы становимся такими уязвимыми, лишаясь иллюзий.

Выражение ее лица – насколько я мог разглядеть под тканью, закрывавшей ее лицо, – не было ни насмешливым, ни сочувственным – просто любопытствующим.

– Как странно, что маг расходует силы на то, чтобы казаться молодым и красивым. Если бы он не привлекал столько внимания к своей внешности, может, он бы заметил, как я подвигаюсь к нему со спины?

В ту минуту этот вопрос меня совершенно не интересовал, потому что пальцы все еще не обрели чувствительности, руки все еще дрожали, а Фериус все еще лежала без сознания. Больше всего я хотел знать, грозит ли нам опасность. Люди редко отвечают правду на вопрос «Вы хотите меня убить?», поэтому я обратился к сидевшей на ослике девочке с завязанными глазами.

– Тебя держат в плену? – осведомился я.

– Она – моя подопечная, – сказала женщина.

– Пусть она сама об этом скажет.

Девочка на осле подняла руки, чтобы показать, что они не связаны, и добавила:

– Кто сажает своего пленника на осла, а сам идет пешком, тупица?

В ее акценте чуть-чуть слышалась тягучесть, свойственная речи людей приграничья. Она четче выговаривала слова – ее речь была больше похожа на ту, что я слышал из уст дароменских посланцев, которые как-то проезжали через мои родные земли. Я решил, что она моя ровесница, богатая и, видимо, хорошо образованная.

– Он пялится на меня? – спросила она у женщины.

– Похоже на то.

– Скажи ему, чтобы перестал. Это невежливо.

Она спешила и стала искать что-то в седельной сумке. Когда она, наконец, нашла это «что-то», оно оказалось тонкой тростью около трех футов длиной, которую девочка держала перед собой, водя ею в паре дюймов над землей.

Теперь я понял, почему у нее были завязаны глаза.

– Ты слепая, – сказал я.

– Нет, это ты слепой. А я просто ничего не вижу, – она повернулась к своей спутнице. – Как он выглядит? Разговаривает он как идиот.

– Прости мою подопечную. Мы в пути уже много дней. Это было нелегкое время для ребенка, и она...

– Сенеира, – сказала девочка. – Не «подопечная», не «ребенок». Просто Сенеира.

Она двинулась вперед – и тут же зацепилась правой ногой за плоский камень на песке. Испугавшись, что она упадет, я инстинктивно рванул к ней. К сожалению для нас обоих,

именно в этот момент она развернулась и удержала равновесие. Мы столкнулись лбами с болезненным стуком, но – что было гораздо, гораздо хуже – вполне вероятно, мои губы слегка коснулись ее губ.

– Он что, только что попытался меня поцеловать? – громко спросила она, завертев головой и выставив вперед палку, как меч. Я быстро отпрянул назад.

– Нет! Я бы никогда... Ты же слепая! Я бы ни за что...

– Что «ни за что»? – спросила она, и ее голос внезапно стал холодным, как ночной воздух. – Ни за что не стал бы целовать слепую девушку?

О предки, пошлите мне очередного мага-ищейку, чтобы он прикончил меня на месте. Клянусь, я даже не попытаюсь сбежать.

– Если бы ты видела мальчишку, – сказала женщина в льняной одежде, – ты бы поняла, что он сбит с толку, ранен и напуган после схватки с магом железа.

– Я не напуган, – возразил я, но меня никто не слушал.

– Пусть он лучше не распускает руки – и губы!

Женщина вздохнула.

– Дитя, ты прекрасно знаешь, что он просто не хотел, чтобы ты упала. У него скверные рефлексy, он неуклюжий, но его нужно пожалеть, а не мучить.

– Спасибо, что замолвили за меня словечко, – сказал я. Она не обратила внимания на мой сарказм и посмотрела на Рейчиса.

– Он болен? Он вроде...

– Он в порядке, – сказал я. – Это он так хихикает.

Сенейра, кажется, перестала винить меня из-за нашего прискорбного столкновения.

– Хорошо, – наконец сказала она, опустив палку и протянув мне руку. – Давай начнем сначала. Меня зовут Сенейра.

Я пожал ее руку и почти мгновенно выпустил.

– Келлен.

– Приятно познакомиться, – она повернулась к своей проводнице. – Видишь? Вот так люди приветствуют друг друга – по крайней мере, нормальные люди. У них есть имена. Сенейра, или Келлен, или...

– Рейчис, – протрещал белкокот. Перестав потешаться надо мной, он лениво подошел к нашим незванным гостям, обнюхал их и зашипел: – Они мне не нравятся.

– Тебе никто не нравится, – пробормотал я.

– Что это было? – спросила Сенейра. – Мне послышалось какое-то ворчание.

– Это Рейчис, – сказал я. – Он мой... – я запнулся. Терпеть не могу выглядеть придурком перед незнакомыми людьми.

– Говори, – рявкнул белкокот. – Говори, а не то тебе придется учиться творить заклинания с девятью пальцами.

– Ладно. Рейчис – мой деловой партнер.

Сенейра снова завертела головой.

– Деловой партнер? Здесь есть другие люди? Я не слышала. Кто здесь?

– Он говорит про животное, – объяснила ее спутница. – Про белкокота.

Девушка замерла.

– Прекрасно, – сказала она и тут же плюхнулась прямо в грязь. – Тогда я посижу тут, подожду, пока в мире снова появится смысл. Если вы не возражаете.

– Ждать придется долго, – сказал я.

Несмотря на повязку, скрывавшую лицо девушки почти целиком, мне показалось, что она улыбнулась, сказав:

– Наконец-то я слышу мудрые слова. Три капли воды в иссушенной пустыне.

Сенейра подперла голову руками.

– Пожалуйста, перестань так говорить.

Я ей немного посочувствовал. Фериус изъяснялась подобными фразами достаточно часто, чтобы...

– Секундочку... Кто вы? – спросил я женщину.

– Я – пилигрим, и мой путь бесконечен. Проводник без цели, никогда не сбивающийся с пути. Странница, идущая по дороге, открывающейся передо мной. Я выбрала путь Шипов и Роз.

Я понятия не имел, что все это значило, но раз ее ответ не имел никакого смысла, я сразу понял, кто она такая. Вернее, из какого она племени.

– Вы – аргоси.

Никак не откликнувшись на мои слова, она подошла к Фериус и встала на колени, чтобы осмотреть ее.

– Ох, сестра, почему ты всегда так безнадежно всех нас разочаровываешь?

8

Путь Шипов и Роз

– Подкинь дров в огонь, – приказала аргоси. Она очень бережно подняла Фериус на руки и отнесла к костру. – Сегодня ночью ей нужно побыть в тепле.

– Она выкарабкается?

Почему-то мне всегда казалось, что Фериус Перфекс неуязвима. Она всегда была слишком умной, слишком быстрой, слишком упрямой, чтобы кто-то мог ее убить. Увидев беспокойство в глазах другой аргоси, я вдруг понял, что даже Фериус может умереть.

– Заклинание мага железа сломало ей три ребра. У нее внутреннее кровотечение, но я пока не пойму, насколько сильное. Если органы повреждены... нет, пока не будем думать о плохом. Если к утру она придет в сознание, у нас появится надежда. А теперь разведем костер?

Я рванулся к ним, кинул оставшиеся дрова в тлеющие угли и положил сверху немного трута. Костер разгорелся не сразу, и я подбросил в него щепотку черного порошка, а затем жмень красного, и все вспыхнуло. За считанные секунды пламя стало разгораться.

– Хорошо, – сказала она, опустив Фериус на землю рядом с костром. – А теперь не мог бы ты оказать мне еще одну услугу?

– Какую? – спросил я.

Она ткнула пальцем мне за спину.

– Будь так любезен, попроси своего... кхм... делового партнера, чтобы он перестал выполнять свой странный ритуал над моим пленником, в чем бы смысл этого ритуала ни состоял.

Я обернулся и увидел, что Рейчис сидит на груди мага шелка, одной лапой приподнял старику веко, а второй пытается выковырять глазное яблоко.

– Ну же, давай, давай...

– Рейчис, перестань!

Белкокот повернулся и угрожающе заворчал.

– Издеваешься? Эти голокожие нас едва не прикончили. А я должен сидеть и ждать, когда они очнутся и сделают из нас бифштекс? Да и к тому же я жрать хочу.

– Что он говорит? – спросила аргоси.

– Он... напоминает мне, что оба мага, без сознания они там или нет, скоро прибавят нам проблем.

– А он прав, – она вздохнула и поднялась на ноги. – Последи за Ромаш... извини, для тебя она, наверно, Фериус, так?

– А для вас она кто?

– Я знаю ее как идущую по пути Полевых Ромашек.

– Дурацкое имя, – проворчал Рейчис, все еще не спуская глаз с мага шелка.

Аргоси подошла к белкокоту, потом опустилась на четвереньки, так что ее лицо оказалось на одном уровне с лицом мага.

– Оставь их мне, воин с вершин деревьев. Я сделаю то, что должна сделать.

Рейчис зарычал и прошелся взад-вперед, потом снова принулся к ней. Я не знаю, что он высматривал, но маленькое чудовище обожает комплименты.

– Воин с вершин деревьев, мне это нравится.

Он спрыгнул с груди мага шелка и устремился в темноту.

– Пойду убью кролика-другого, – сообщил он мне. – Именно так поступают воины с вершин деревьев.

Когда он исчез, аргоси полезла в складки своей одежды. Я думал, что она достанет нож, и почти уже собрался возразить. В бою Фериус делала то, что должна была делать, но я никогда

не видел, чтобы она убивала незащищённых. С другой стороны, я не был уверен, что целиком и полностью согласен с такой позицией. О предки, белкокот, кажется, сделал меня кровожадным.

Оказалось, что аргоси достаёт не нож, а нечто, туго замотанное в тряпку. Внутри были маленькая ступка, пестик и несколько баночек. Аргоси открыла две и начала смешивать их содержимое.

– Что вы делаете? – поинтересовался я.

– Пока ожоги мага железа несмертельны, но, если оставить все как есть, он умрет.

– Погодите... это ваш план? Вылечить людей, которые пытались нас убить?

– Вести переговоры с трупом обычно бесполезно.

– Переговоры? Серьезно? Это маги-ищейки. Охотники за головами. Магам джен-теп платят только за трупы. А вы хотите залечить их раны и попытаться их переубедить?

Глаза женщины сузились, но она продолжала готовить свою смесь.

– Ты путешествуешь с моей сестрой, и она еще не рассказала тебе о пути Воды? Не в наших обычаях сбивать с толку другого, чтобы показать ему другую дорогу.

Я попытался как-то отреагировать на это безумие, но в конце концов сдался и вместо этого решил присматривать за Фериус, разминать ей руки и следить, чтобы мои собственные пальцы оставались в тепле, на тот крайний случай, если мне снова придется творить заклинания. Сенеира, размахивая своей палкой, подошла и села рядом со мной у костра.

– Значит, твоя жизнь скоро станет такой же нелепой, как и моя.

– Добрый вечер, – поздоровалась ее спутница с обоими мужчинами, когда они открыли глаза. У нее был очень непринужденный тон. Так беседуют с путниками, случайно встретившись с ними на пустынной дороге, а не со смертельными врагами, которые всего несколько часов назад пытались тебя убить. Обработав их раны, женщина, называвшая себя идущей по пути Шипов и Роз, посадила обоих спиной к спине, так что они могли опираться друг о друга. Я решил, что она их свяжет, и хотел сказать, что для этого нужна зачарованная медная или серебряная проволока, а иначе есть много заклинаний, которые они смогут использовать против нас. Но она их не связала. Вместо этого она достала из складок своей одежды крохотную склянку чуть длиннее ее большого пальца и вытащила пробку.

– А вы с Сенеирой подождите там, уж будьте любезны, – она кивком велела нам отойти на несколько ярдов от костра в темноту.

– Почему? – спросил я.

– У них есть причины тебя убить, так? Давай не будем их искушать.

Как только мы с Сенеирой исполнили ее указание, женщина высыпала щепотку белого порошка из скляночки на кончик пальца, осторожно поднесла к носам обоих магов и стала ждать. Несколько секунд спустя оба закашлялись и очнулись.

Маг шелка первым делом поднял руку, складывая пальцы в магическую фигуру, которую я не узнал, но ничего хорошего ждать, кажется, не стоило. Я потянулся за своими порошками, но женщина предупреждающе взглянула на меня. Значит, догадалась, как я отреагирую, потому что никак не могла разглядеть меня в темноте.

– Вам ничего не угрожает, – сказала она.

Маг шелка улыбнулся, так что задвигалась морщинистая кожа у него вокруг рта.

– В отличие от вас.

Аргоси кивнула:

– Конечно. Мы живем в опасном мире.

– Возможно, но для могущественных магов вроде нас он куда менее опасен, чем для бродячих философов, которые лезут не в свое дело.

Если бы я участвовал в разговоре, то не удержался бы и сказал, что у каждого из них светила только одна татуировка, а это значило, что они были из числа слабейших магов моего народа. После меня, разумеется.

Аргоси не сказала ничего подобного. Выражение ее лица изменилось, словно она тщательно обдумывала слова мага шелка.

– Пожалуй, ты прав. Как ты и говоришь, мир опасен для бродячих философов.

Маг железа, человек с тонкими рыжими волосами, примерно лет на десять моложе своего товарища, хрипло рассмеялся.

– Видишь, как быстро дают задний ход знаменитые аргоси? Женщина хочет выторговать у нас свою жизнь.

Она покачала головой:

– Прости, но ты не прав. Я хочу выторговать твою жизнь.

Пальцы мага шелка задержались.

– Ты угрожаешь магу джен-теп? Пади ниц, женщина, и целуй мне ноги, прежде чем я использую заклинание, которое уничтожит твой разум. Твоя душа разобьется на тысячу осколков, опустошенная, она будет смотреть в бессилии, пока сердце в твоей груди не затихнет с последним ударом.

Неплохо, подумал я. Мой народ не особенно любит поэзию, но мы ценим хорошие, нешуточные угрозы. Аргоси, однако, ответила тихим, почти мелодичным смехом.

– Мастер-маг, не думаю, что вам понравится, если влезете в мою голову. Все говорят, что у меня скверный характер.

По лицу мага было видно, что она уже зашла слишком далеко. Прежде чем я сумел прийти на помощь, маг шелка уставился на аргоси, прошептал одно-единственное слово, и воздух между ними заискрился. Он обволакивал ее заклинанием шелка – не особо мощным, насколько я мог судить, но даже такое скоро уничтожит ее рассудок. Я как раз собрался плюнуть на ее приказ не вмешиваться, когда маг шелка выкрикнул в ночное небо:

– Прекрати! Отпусти меня!

Заклинание исчезло, и воздух между ними снова стал неподвижным. Маг с трудом дышал, пытаясь совладать с собой.

– Как это возможно? – спросил он.

Аргоси пожала плечами, словно извиняясь.

– Мы – странники. Нам свойственно принимать каждое путешествие таким, какое оно есть – без страха и осуждения.

Человек взглянул на огонь и на Фериус, которая все еще была без сознания.

– Ты застал мою сестру врасплох. Не советую повторять попытку, когда она очнется, – аргоси наклонилась вперед и прошептала заговорщически: – Многие полагают, что характер у нее еще хуже, чем у меня, – она стукнула мага по лбу. – Наполни свой разум светлыми мыслями, мастер-маг. Неразумно носить в себе столько безобразного.

Маг железа заворчал на своего товарища:

– Не позволяй ей отвлекать тебя разговорами. Сотвори заклинание и уничтожь ее!

Маг шелка медленно покачал головой, не сводя с нее глаз.

– Я больше не коснусь ее мыслей.

– Прекрасно, тогда я сам с ней разберусь.

Маг железа поднял правую руку в жесте чар меча, с которыми он напал на нас. Аргоси подняла палец.

– Это тоже было бы неразумно.

Маг не слушал, тыча в нее сложенными в магическую фигуру пальцами и произнося заклинание железа, которое джен-теп называют кровавым молотом. Вначале ничего не произошло, но потом он согнулся в три погибели и рухнул наземь.

– Что ты со мной сделала? – простонал он. Аргоси широко раскинула руки, показывая пустые ладони.

– Ничего, мастер-маг, только приложила целебную мазь к твоим ожогам. Увы, в нее входят листья толченого ночецвета, они быстро залечивают раны и утишают боль.

– Истошающая трава? – завопил маг железа. – Ты отравила мою магию!

– Нет. Уверяю тебя, я очень тщательно рассчитала дозу. Через два-три дня ты снова сможешь творить свои заклинания. Но как твой врач, я бы не советовала. Дай себе время исцелиться, и, быть может, тогда ты прозреешь.

Маг шелка, по-видимому, уже оправившись, спросил:

– И что же это будет за прозрение, аргоси?

9

Две колоды

Вот уж не думал, что, едва избежав смерти, можно помирать от скуки, но аргоси доказала мне, что я ошибался. Я-то полагал, что «переговоры» означают несколько тщательно сформулированных угроз, но оказалось, что «переговоры» – это устный договор, столь же длинный, сколь и итоговый мирный договор, положивший конец последней войне между Дароменской империей и кланом джен-теп. Я был практически уверен, что к тому времени оба мага уже забыли, зачем вообще здесь оказались.

Ноги и спина онемели от того, что мне пришлось целых два часа безмолвно сидеть рядом с Сенейрой. Иногда она засыпала, положив голову мне на плечо. Было очень странно оказаться так близко к человеку, о котором я ничего не знал, – особенно к человеку, явно считавшему меня местным дурачком. Со своей стороны, она явно решила, что жизнь у нее – уже хуже некуда, так что можно и проспать бо́льшую ее часть.

– Что я пропустил? – спросил Рейчис, уронив полусъеденную кроличью тушку на землю неподалеку от нас с Сенейрой.

– О духи земли и воздуха, чем так воняет? – спросила она, поднявшись на ноги и отходя в сторону; при этом она рамахивала своей палкой и ругала глупых хуторских поденщиков и их дурацких говорящих зверей. Я даже не стал говорить, что в жизни своей не был на хуторе.

Рейчиса ее вспышка обидела до глубины души. Он снова подхватил кролика в зубы, бормоча:

– Нам же больше достанется.

– Вы там заткнетесь? – донесся от костра слабый каркающий голос. – Дайте уже умереть спокойно.

Я вскочил на ноги и бросился к Фериус. Она была бледная и взъерошенная, но, увидев меня, подмигнула, и впервые после сражения у меня перестало давить в груди и стало легче дышать.

– Привет, малыш, – сказала она, подняв руку и потрепав меня по щеке. Сощурившись, она прислушалась к потоку брани Сенейры.

– У твоей подружки впечатляющий словарный запас.

– Ее зовут Сенейра, – ответил я. – И она обо мне не слишком высокого мнения.

– К тебе надо привыкнуть. – Фериус провела рукой по ребрам и нащупала повязки на груди. – Ты что, занялся медициной, пока я задремала?

– Здравствуй, сестра, – сказала другая аргоси, подойдя к нам. Она завела руки назад и растянула застежку, скреплявшую полосу ткани, которая закрывала нижнюю часть ее лица. Я думал, что у нее чудовищные шрамы или что-то в этом роде, но на самом деле лицо у нее было самое обычное. Кожа у нее была темнее, чем у Фериус, она была скорее из берабесков, чем из дароменов, но с тем же успехом могла быть джен-теп или из приграничья. Столетия переселений через моря образовали на нашем континенте смесь культур, объединенных скорее их целями, нежели кровными узами.

– Малыш? – сказала Фериус.

– Что?

– Во время драки мне, случайно, не досталось по голове?

– Я не заметил.

Она вздохнула.

– Я так и подумала. Привет, Розы.

Я повернулся к другой аргоси.

– Розы? Вас так зовут?

Выражение лица второй аргоси стало страдальческим. И раздраженным.

– Идущая по пути Полевых Ромашек слишком часто находит утешение в глуповатых развлечениях.

– В точку, – сказала Фериус и протянула мне руку. – Помоги мне встать, малыш. Нет смысла откладывать.

Что-то в выражении ее лица меня насторожило.

– Откладывать что? – спросил я.

Ей с трудом удалось даже сесть, она морщилась от боли.

– Надо надрать Розы задницу.

– Что? Ты серьезно? Она помогла нам спастись! И потом, у тебя три ребра сломаны. Ты едва не умерла!

– Жизнь коротка. И важное нужно успеть, пока ты еще жив.

Я посмотрел туда, где Сенейра чистила ослика щеткой. Может, хоть она сможет сказать мне, что, пес побери, здесь происходит. Вторую аргоси слова Фериус не обеспокоили и не насмешили.

– Боюсь, что нам придется отложить возможность... как ты любишь говорить? Ах да, «подрацца», – она опустилась на колени и снова запустила руку в складки своей одежды, но на этот раз извлекла колоду карт. – У меня есть новости.

Фериус поджала губы, глядя на карты, потом достала собственную колоду из своего кожаного жилета. Это была ее настоящая колода – каждая масть в ней представляла народ и его образ жизни, их она называла «конкордансами». Другие карты, особые, по словам Фериус, у каждого аргоси свои. Эти, называемые «дискордансами», изображали людей или события, которые могли изменить ход истории.

– Давай начнем, – сказала Фериус. – Но в следующий раз, Розы, мы с тобой сойдемся на пару раундов.

Вторая аргоси села напротив нее и начала раскладывать свои карты рубашками вверх. Фериус проделала со своими то же самое.

– Что ты делаешь? – спросил я. – Еще минуту назад ты собиралась драться, а теперь ты...

Фериус подняла на меня глаза.

– А на что это еще похоже, малыш? Мы играем в карты.

В первый день знакомства Фериус научила меня десяткам карточных игр. У меня хорошая память на такие вещи, и я был уверен, что запомнил их все. В какую бы там игру они с Розы ни играли, я такой никогда раньше не видел. Каждая вытягивала наугад семь карт противника, рассматривала и выкладывала в определенный узор. Процесс повторялся с новыми картами, а когда те заканчивались, игроки тасовали колоды, и конца-края этому не было.

Сенейра сидела рядом со мной.

– Наверно, твоя аргоси никогда не рассказывала тебе, что они пользуются картами вместо того, чтобы разговаривать, как нормальные люди?

– Думаю... думаю, что в картинках, изображенных на картах, куда больше смысла, чем мы можем увидеть, – сказал я, все еще не в силах оторвать глаз от странной игры. – А узоры, которые они выкладывают... может быть, так передаются вещи, которые нельзя сказать словами.

Сенейра простонала.

– А теперь и ты заговорил, как они. Я-то надеялась, что хоть кто-то разумный появился, с кем я смогу поговорить.

– Она может поболтать со мной, – протрещал Рейчис, подходя к нам. – Я здесь самый разумный.

– Рейчис говорит, что ты можешь...

– Только не говори, что твой белкот с тобой разговаривает, – сказала Сенейра.

– Эээ, ладно. А почему бы и нет?

– Потому что я больше чем уверена, что белкокоты не умеют говорить, и надеялась еще немного попритворяться, что ты не сумасшедший.

Рейчис фыркнул.

– А она права, Келлен. Я всегда думал, что ты слегка...

– Заткнись, Рейчис.

Странная карточная игра продолжалась еще примерно час. Время от времени Фериус нарушала молчание каким-нибудь небрежным замечанием вроде «Ну-ну, кто бы мог подумать, что гильдия купцов Гитабрии все-таки разберется с этим» или «Так и знала, что какой-нибудь дароменский генерал в конце концов до него доберется».

Вторая аргоси – мне все еще трудно было называть ее «Рози» – явно предпочитала молчание, так что после девятого или десятого замечания Фериус даже спросила:

– У твоей болтовни есть какая-то цель?

– Мне все нравится. А ты нервничаешь? Всегда можешь сесть на своего осла и съездить в город за выпивкой.

– Выпивка. Курительные соломинки. Эти глупые приграничные словечки. Ты сбилась с пути, сестра.

Фериус положила свои карты на колени.

– Человек собьется с пути только тогда, когда слишком сосредоточится на своей цели.

Другая аргоси тихо фыркнула, влив в этот звук целый океан насмешки. Она кивнула в мою сторону.

– Вот так ты учишь его правилам аргоси? Превращаешь их в поговорки и забавные истории?

– Ты полагаешь, что если завернуть их в красивую обертку из слов, от этого что-то изменится?

– Вряд ли, судя даже по тому немногому, что я узнала о твоём ученике. Он использовал магию, когда нельзя было, привел джен-теп и подверг опасности жизнь моей подопечной. Запаниковал во время боя, и вы все погибли бы, если бы я не пришла на помощь. Проживи он хоть сотню лет, ты вряд ли сделаешь из него аргоси.

Рейчис поставил лапы мне на ногу.

– Эй, Келлен, по-моему, эта бродяжка только что тебя оскорбила.

– Да, – прошептал я в ответ, – по-моему, я ей не нравлюсь.

– Ты ей нравишься, – сказала Фериус. Я всегда забываю, какой у нее тонкий слух. – Рози просто пытается отвлечь меня, чтобы я не заметила, что она прячет от меня карту.

Легкая тень улыбки скользнула по лицу другой аргоси.

– А ты, кажется, думаешь, что сможешь так меня раздражить, что я не замечу, что и ты прячешь от меня карту.

– Вот это старье? – Фериус шевельнула запястьем, и карта возникла у нее в руке. – Должно быть, в рукав завалилась, когда я тасовала колоду.

Она протянула карту Рози, и та долго ее рассматривала, прежде чем перевернуть и уронить на песок. Это была одна из дискордансов Фериус – на ней она нарисовала меня и подписала «Меткий маг».

– Ты нарисовала на ней правильную картинку, но неправильно ее подписала. Вот в этом и разница между нами, сестра. Ты следуешь по пути чувства, а не просветления.

– Да? Может быть, ты просветишь меня?

Вторая аргоси взяла карту, перевернула раз-другой, и в третий раз карта легла рубашкой вверх. Даже мне было видно, что это была уже не та карта, которую она взяла секунду назад. – Теперь мы должны следовать этому знаку.

Фериус потянулась за картой, потом отдернула руку.

– Разница между нами, сестра, в том, что мне никогда не нужно было притворяться, что я вижу ветер, чтобы знать, куда он дует.

Она обратилась к Сенейре:

– Эй, девочка, подойди-ка сюда, познакомимся по всем правилам.

Сенейра повиновалась, встала и, размахивая своей палкой, медленно подошла к ним. Я последовал за ней, боясь, что от усталости она споткнется на неровной земле и упадет – хотя я был намерен не повторять мою провальную попытку вести себя по-рыцарски. Фериус посмотрела на меня, подняв бровь, и спросила:

– Ты что, малыш, купился на эту сказочку про слепоту? Я думала, ты слишком умен, чтобы попасться на их удочку.

– Что? Ты хочешь сказать, что она...

– Слепые отлично умеют ориентироваться – они не спотыкаются, как эта девчонка. Они ходят с настоящей тростью, а не с какой-то сломанной палкой, которую подобрали на дороге.

Вдруг Фериус сказала:

– Ты солгала минуту назад, сестра. Не Келлен привел сюда ищеек, им нужна была девчонка. Это ты привела к нам неприятности.

Сенейра остановилась в нескольких футах от Фериус.

– Простите, – сказала она. – Я не хотела, чтобы из-за меня кто-то пострадал.

Слезы выступили под краем повязки, скрывающей ее глаза, и потекли по щекам.

– В общем-то, никто не виноват, – сказала Фериус, похлопав себя по перевязанной груди. – Ты же не заказывала себе эти проблемы, как и Келлен, – она кивнула Сенейре. – Сними эту дурацкую повязку, девочка.

– Погодите, что вообще происходит? – спросил я.

Фериус потянулась и взяла карту из рук Розы. Сенейра развязала узел, Фериус подбросила карту в воздух. Повязка упала с глаз Сенейры, карта опустилась на землю у моих ног рубашкой вниз. На ней было изображение девочки с черными линиями вокруг правого глаза. Я поднял взгляд, посмотрел в зеленые глаза Сенейры и увидел у нее на лице те же линии:

– Я же говорила, что не слепая, – сказала она, роняя повязку на землю. – Я просто ничего не видела.

Я потянулся за картой, где вторая аргоси изобразила то, от чего может измениться ход истории. Теперь я увидел слова, которые она написала внизу карты.

«Черная Тень».

Путь Ветра

Путь аргоси – это путь Ветра. Многие путешествуют по земле: ветра перемен, ветра печали, ветра радости, ветра войны. Чтобы узнать истину мира, аргоси должен научиться их слышать, ощущать их прикосновение к коже и следить за каждым дискордансом, ибо любой может превратиться в ураган, который изменит ход истории. Вот причина, по которой появление аргоси иногда причиняет... беспокойство.

10

Дипломатия

– Скажи мне еще раз: почему по твоей милости мы сопровождаем Сенейру обратно прямо до Телейдоса? Я натянул поводья, чтобы вернуть своего коня обратно на дорогу. У него была дурная привычка без всякой причины убредать в сторону – как и у Фериус. – И не надо мне опять рассказывать сказки про следование пути Ветра. Это не ответ.

Фериус сдвинула шляпу вперед, чтобы солнце не светило в глаза.

– Еще какой ответ, малыш. Только не тот, который ты хотел бы услышать, – она бросила на меня предупреждающий взгляд. – Как насчет того, чтобы последовать моему совету и забыть о твоём вопросе?

Я обернулся назад на Розы с Сенейрой, которые ехали чуть позади и не могли услышать наш разговор.

– Но она даже не джен-теп! Откуда у нее Черная Тень? Как это вообще может быть?

– Во-первых, малыш, хватит говорить так, будто джен-теп – это какой-то особенный народ. Вы просто кучка людей, обладающих способностями к магии. Вы прибыли на этот континент в поисках власти, которая перестала действовать в ваших исконных землях, – она протянула руку и щелкнула меня по щеке.

– Разные цвета кожи, разные лица, глаза, носы... вы как огромный котел, куда кинули все, что нашлось в холодильнике.

Это меня разозлило.

– Между прочим, этот «котел» породил лучших магов на континенте, которые, так уж случилось, живут в самых красивых в мире городах.

Фериус фыркнула.

– Это произвело бы на меня впечатление, если бы вы сами построили эти города.

Возразить было нечего. Почему я так защищал джен-теп? Мои предки развязали войну с медеками, перебили их и украли их города, чтобы завладеть Оазисами, которые наделяют нас нашей магией. Во всем мире, наверно, не осталось и сотни чистокровных медеков.

И одним из них была Фериус.

– Прости, – сказал я.

– Прости за что?

– Но ведь ты – медек, – прошептал я.

– Я – аргоси, малыш. Кровь медеков течет в моих жилах по рождению. А путь Полевой Ромашки я выбрала сама.

Рейчис, который лежал на спине между передней частью седла и конской шеей, задумчиво уставившись в безоблачное небо, решил встрять в разговор.

– Кровь белкокотов течет у меня в жилах по рождению, – сказал он. – А путь дикого белкокота я выбрал сам. Зачем все усложнять?

Когда я передал его слова Фериус, она усмехнулась.

– Отлично. Философия белкокота в двух словах.

Она отсалютовала Рейчису, который пришел в восторг и ответил ей тем же.

Я почему-то почувствовал себя чужим. В каком-то смысле у Фериус и Рейчиса было больше общего, чем со мной: они оба выбрали свой путь сами. Они были... кем-то. А я? Принял аж одно важное решение: покинуть свой народ. А теперь я уже подумывал, что это была ошибка. Люди вне закона – никто, пустое место без семьи, без друзей, без настоящей цели. Объявить себя изгоем – самый верный способ осознать, что у тебя ничего нет.

– Малыш, что с тобой? – спросила Фериус.

– Ничего, – я попытался отделаться от мрачных мыслей и вернуться к вопросу, от которого Фериус – в очередной раз – сумела увильнуть. – Неважно, из какого ты клана, джен-теп или нет, Черная Тень поражает только магов. Сенеира клянется, что она не маг, поэтому она или врет, или...

– Хватит, малыш.

– Нет! – я осознал, что буквально проорал это слово, и оглянулся проверить, не услышали ли Розы с Сенеирой. К счастью, они вроде бы твердо решили меня игнорировать. – Это за мою голову назначена награда, а не за твою. За Сенеирой тоже охотятся маги-ищейки, и они не колеблясь убьют заодно и меня. Поэтому, по крайней мере, я имею право знать, с какой стати мы по твоей милости подвергаем себя еще большей опасности, чем обычно.

– Ну ладно. Помнишь, как в том городке люди увидели Черную Тень вокруг твоего глаза и стали говорить, что у тебя какая-то «демонская чума»?

– Да, но это же суеверная чушь. Не существует...

Фериус бросила на меня суровый взгляд.

– Да неужели? Ты действительно решил, что четырех месяцев за пределами Оазиса джен-теп достаточно, чтобы стать знатоком того, что может, а что не может превратиться в эпидемию?

Ее лицо напряглось, голос тоже зазвучал напряженно, что было не похоже на ее обычную болтливую манеру. От мысли, которая вдруг пришла мне в голову, внутри похолодело.

– Ты ведь видела магическую чуму раньше, так?

Она избегала смотреть на меня, а уставилась прямо на дорогу перед собой.

– Да, малыш, я видела чуму. Не могу точно сказать, распространялась ли она магически, или была просто заразой, или еще как, но люди придумали ей название: Алый Крик. И она была такой же жуткой, как ее имя. Пока с ней не покончили.

– Покончили как?

Фериус оглянулась на Розы, и они обменялись взглядами, которые вовсе не выглядели дружелюбными.

– Спроси как-нибудь в другой раз, малыш.

Я бы позадавал еще вопросы, но именно тогда я на секунду взглянул на Сенеиру. Видимо, эта секунда оказалась очень длинной.

– Ты снова пялишься? – мрачно спросила она.

Обычно людям требуются целые сутки, чтобы прийти к выводу, что я им не нравлюсь, но Сенеира явно не желала ждать так долго. Она, кажется, пришла к выводу, что я способен только на то, чтобы пялиться или смеяться над ней. Я просто отвык от общения с ровесниками. Из-за того, что она была хорошенькая, легче не становилось – слишком хорошенькая, чтобы я мог расслабиться рядом с ней. Фериус сказала, что, возможно, это признак того, что я схожу с ума, и предложила сообщить, когда появятся новые симптомы.

Но мне было так неловко рядом с Сенеирой не из-за моей обычной неуклюжести и даже не оттого, что я чувствовал себя виноватым перед Нифенией. На самом деле мне было так

тяжело рядом с Сенеирой, потому что я заметил линии вокруг ее глаза, так похожие на мои собственные, что я не мог отвести глаз, как бы это зрелище меня ни пугало.

– Хочешь, я дам тебе месдет? – предложил я, запуская руку в седельную сумку. – Ей можно замазать пятна, тогда тебе не нужно будет надевать повязку всякий раз, как мы проезжаем какую-нибудь деревню.

Она закатила глаза – Сенеира часто так делала.

– Ну конечно! Месдет! И почему я сама об этом не додумалась? Может, потому что на самом деле додумалась...

– Так почему...

– Жжет, вот почему. Как только я пытаюсь замазать пятна, кожу начинает жечь огнем.

Я кивнул. Замазывать пятна всегда было неприятно, но так скверно мне никогда не было. Хоть Сенеира и носила простую одежду, ее внешний вид и манера речи выдавали то, что она выросла в богатой семье. Возможно, она никогда в жизни не сталкивалась с трудностями. Конечно, как и я до недавнего времени.

– Может, ты просто к ней не привыкла. Попробуй чуть-чуть.

– «Попробуй чуть-чуть»?

– Я видела, что с ней происходит, – сказала Роза, и ее голос звучал спокойно, как теплый ветерок. – На это... тяжело смотреть. Черная Тень словно вскипает всякий раз, как к ней что-то прикладывают, и боль явно нешуточная.

– Спасибо, – сказала Сенеира.

– Хотя, должна признаться, девочка не подарок даже в лучшие времена.

– Может быть, если бы ты не похитила...

– Не спасла, – поправила ее Роза.

– погоди, – сказал я, поворачиваясь к Сенеире, внезапно испугавшись, что все обстоит совсем не так, как я думал. – Ты сказала, что ты с ней по своей воле.

– Тут все сложно, – ответила она, словно бы немного смягчившись. – Я попала в неприятности, и... – она заколебалась, потом злобно усмехнулась и сказала: – Роза помогла мне из них выпутаться.

Роза нахмурилась.

– Меня зовут иначе. Мое имя – идущая по пути Шипов и...

Сенеира не дала ей договорить.

– Ни один нормальный человек не станет называть себя «идущей по пути» чего-то там, так что или Роза, или скажи мне свое настоящее имя.

Аргоси открыла было рот, чтобы что-то сказать, и снова закрыла. Наконец, она сдалась.

– Пожалуй, Роза не хуже, чем любое другое имя, – она скорчила гримасу в сторону Фериус, явно обвиняя ее в том, что она придумала ей такое прозвище.

– Хе-хе, – хихикнул Рейчис. – Мне нравится эта парочка. С ними весело.

– В общем, – продолжала Сенеира, – за мной гнались эти два чокнутых джен-теп, с которыми вы встретились, и Роза спасла меня. Они продолжали идти за мной, и я понимала, что в одиночку не выживу. Она предложила мне защиту, но теперь она отказывается везти меня туда, куда мне нужно.

– Ребенок сбежал из дома, – объяснила Роза.

– Мне шестнадцать! В шестнадцать лет не сбегает, а едут туда, куда им нужно!

– Ты можешь ехать, куда хочешь, но я еду на север, в твой город. Так что если тебе нужна моя защита, ты тоже едешь туда.

– погодите, – сказал я Розе, – если Сенеира не хочет ехать домой, почему мы едем именно туда?

Ответила мне Сенеира. Какой бы кредит доверия я ни получил, забеспокоившись, не пленница ли она, он был явно исчерпан.

– Ты совсем тупой? Я не джен-теп, я не изучаю магию, но я каким-то образом подцепила Черную Тень. – Она показала на Розы и Фериус: – Эти две странные личности – аргоси, значит, если в мире происходит что-то необычное, они испытывают жгучее желание изобразить это на картах. Они явно думают, что эти черные линии что-то значат.

– Они действительно что-то значат, – настаивала Розы.

– Может быть, что-то и значат, – возразила Фериус.

Они обменялись взглядами, но я совершенно не понял, что между ними происходит. Я знал об аргоси столь же мало, сколь и обо всем в мире за пределами моего родного дома.

С меня уже было достаточно презрения Сенейры, и я решил сменить тему. Фериус говорит, что хороший способ понравиться людям – сделать так, чтобы они заговорили о себе. Зная, знаю, мне тоже кажется, что это глупость какая-то. Ведь чтобы у людей сложилось о вас доброе мнение, они должны узнать, что в вас есть хорошего, так? Но иногда Фериус говорит и правильные вещи, поэтому я спросил у Сенейры:

– Если ты не училась на мага, на кого же ты училась?

Она ответила мне далеко не сразу, и когда ответила, я понял ее нерешительность.

– Я буду дипломатом.

Рейчис долго не мог проржаться.

11

Лицо из песка

По мере возможности всю следующую неделю мы старались держаться подальше от всякого жилья. Даже когда мы с Сенеирой прикрывали линии на наших лицах, даже когда ничего плохого не происходило, в нашем присутствии, людям становилось не по себе. Словно они нутром чуяли Черную Тень. Это можно сравнить с прикосновениями холодного ветра, от которого покрываешься гусиной кожей.

Меня это вполне устраивало, потому что в последнее время мне было нелегко общаться с незнакомыми людьми. Единственная проблема была в том, что теперь нам каждую ночь приходилось спать в пустыне, и нам это порядком уже надоело; твердая земля, холодная погода, периодические песчаные бури и ощущение того, что ты оставлен на милость гнусного и злобного мира. А я злился еще и от того, что Сенеира, которую мне нравилось считать избалованной маленькой принцессой, приспособилась к походной жизни куда лучше меня.

– Ты снова пялишься, – проворчала она, лежа в спальном мешке у костра, даже не потрудившись открыть глаза. Как она это делала?

– Извини, – сказал я.

– Эй, Келлен, – протрещал Рейчис, – спроси, а может, она...

– Не начинай.

Присутствие девушки – и особенно то, как неловко я чувствовал себя рядом с ней – стало для белкокота источником бесконечного развлечения. Он предлагал мне непременно поиграть с Сенеирой в брачные игры, утверждая, что их практикуют в развитых странах по всему миру, но я был уверен, что он сам их придумывал. Когда я сказал, что мне нравится девушка, он напомнил, что мои шансы снова увидеть Нифению в своей почти наверняка короткой жизни были практически нулевые.

– Ты сегодня еще зануднее, чем обычно, – процедил белкокот, спрыгнул с моего плеча и удалился в темноту. – Пойду убью какую-нибудь зверушку.

– Это, знаешь ли, называется охотой.

– Не при моих методах.

Я улегся в третий раз за ночь и попытался уснуть. Поерзав с минуту, я понял, что сегодня заснуть мне не судьба. И не только потому, что земля была жесткая, а ночь холодная. В голове постоянно что-то зудело, и я постоянно был на взводе. С тех пор, как маг шелка показал мне ордер-заклинание, я, закрывая глаза, всякий раз гадал, кто же придет за мной в следующий раз.

Еще хуже было то, что из-за Розы и Сенеиры я не мог поговорить об этом с Фериус. Когда мы только покинули земли джен-теп, всякий раз, особенно по ночам я начинал нервничать, тогда Фериус вдруг заводила разговор, придумывала какую-нибудь историю или рассказывала о каком-нибудь насекомом или растении, которые – подумать только! – подвернулись ей под руку прямо здесь и прямо сейчас. Но теперь она каждую ночь сидела напротив Розы, они играли в карты и не говорили почти ни слова. Я и от этого дергался.

В конце концов у меня появилась привычка прогуливаться по пустыне всякий раз, как я не мог уснуть. В этих местах песок был по большей части синий, и поэтому мне представлялось, что я иду по прибрежной морской воде. Но мне это нравилось – если уйти достаточно далеко от костра, казалось, что от ветра песок вокруг меня вздымается волнами. Если долго в него всматриваться, начинали угадываться картинки: животные, корабли, лица... они появлялись на несколько мгновений, а потом ветер уносил их прочь, и их сменяли новые. Иногда, при слабом ветре, рисунки подолгу не исчезали, и какое-нибудь лицо почти оживало – у него открывались глаза и слегка шевелились губы.

Чаще всего во время таких прогулок я видел лицо сестры, Шеллы. Иногда, если я смотрел на песок под нужным углом, я представлял себе Шеллу, будто западный ветер прямо из земель джен-теп сложил из миллиона песчинок ее лицо. В глазах глубокая сосредоточенность, выражение, как обычно, нахмуренное – я снова ее разочаровал. Конечно, это мое воображение играло со мной шутки, когда устаешь, в тусклом свете звезд и луны почудится все что угодно. И все равно я не переставал думать, что бы сказала мне сестра, окажись она здесь.

Как выяснилось, гадать не было особой необходимости.

– Наконец-то, – сказал образ Шеллы, вихрясь в песке у моих ног. – Я уже думала, что до тебя никогда не дойдет.

12

Посланница

Я быстро перебрал в голове все возможные объяснения своему видению: еще один маг шелка? Маловероятно – не могут же они толпами бродить по приграничью. А кроме того, раз испытал, как они забираются мне в голову, я был вполне уверен, что узнаю это ощущение снова. Может быть, я сошел с ума – вполне естественная реакция, когда тебя снова и снова пытаются убить. Но это было как-то слишком просто.

Была, конечно, и третья возможность, но она пугала меня еще больше.

– Это я, дурачок, – сказала Шелла, и песчинки сложились в легкую усмешку.

– Как?... Как ты это делаешь, Шелла?

Улыбка шевельнулась и стала еще более заметной.

– Нравится? Я сама придумала заклинание. Ну конечно, были прецеденты, но я уверена, что я первая сумела спроецировать свой образ так далеко.

Когда я учился, теория магии давалась мне очень легко, так что я попытался сообразить, как она это сделала. Сначала я подумал, что, раз я слышу ее голос, значит, она использует магию шелка, чтобы вложить свои слова мне в голову, но заклинания шелка не действуют на больших расстояниях, а кроме того, голос Шеллы звучал как шепот.

– Магия дыхания, – сказал я наконец. – Ты используешь ветер, чтобы донести до меня свой образ и голос.

Лицо кивнуло.

– Дыхание и немного магии песка, чтобы решить проблему времени. А иначе речь доходила бы с задержкой, а это раздражает. Сложнее всего было узнать, где ты. К счастью, я нашла немного твоей засохшей крови на рабочем столе отца и смогла настроить заклинание на тебя.

Она так легко говорила о том, как мои родители привязали меня к столу и навсегда закрыли мне доступ к пяти из шести форм магии, и я вспомнил, почему ушел из дома.

– Что тебе нужно?

– Не надо так. У меня ушла куча времени, чтобы заклинание сработало. Оказывается, ветер должен дуть строго определенным образом, так что не знаю, как часто смогу это делать.

– Тогда зачем тратить столько сил?

Песок снова шевельнулся, и выражение лица Шеллы приняло обиженный вид.

– Я беспокоюсь за тебя, Келлен. Мне нужно знать, что у тебя все хорошо.

– У меня все отлично.

Внезапно ветер усилился, и голос Шеллы зазвучал сердито:

– Ничего у тебя не отлично! Мама глушит зелья, чтобы следить за тобой с помощью заклинаний поиска – ты это знаешь? Она видела, как тебя побил этот мальчишка. Она проплакала несколько часов и грозилась уйти, если отец не вернет тебя домой.

– И что сказал на это великий и благородный Ке-Хеопс?

Пауза и дуновение ветра, от которого образ стал таять. Я подумал, что заклинание нарушилось, но мгновение спустя песчинки снова сложились в лицо моей сестры.

– Келлен, ты же знаешь, что он не может рискнуть и уехать прямо сейчас. Совет еще не сделал его Верховным магом клана. Ему нужно быть осторожным и ждать, пока остальные лорд-маги наконец не дадут нашему дому престиж и власть, которых мы достойны.

– Удачи ему, – сказал я, надеясь разозлить Шеллу. Мой народ не верит в удачу.

Песок ее бровей выгнулся дугой.

– Тебе на нас наплевать? Ты даже не спросил, как у нас дела. Ра-Мет вообще-то все еще жив. Он слаб, но у него есть друзья в Совете. Теннат с братьями поклялись уничтожить тебя и всех, кто тебе помог.

– Нифения... – я не хотел произносить ее имя вслух, но мне нужно было спросить. – У нее все хорошо?

Шелла долго колебалась, и я понял, что она размышляет, чего может от меня добиться в обмен на информацию. Но она на самом деле совсем не такая жестокая, какой любит притворяться.

– У мышки все хорошо. Теперь ее зовут Нифарья, помнишь?

Нифарья. Я и забыл, что она уже получила свое имя мага, пройдя испытания. Теперь она могла начать новую жизнь, позаботиться о матери и освободиться от власти отца.

Надеюсь, что ты будешь счастлива, Ниф, пусть и не со мной.

Шелла, видимо, почувствовала мою слабость.

– Она теперь встречается с Панэратом.

– С Паном?

Панакси был моим лучшим другом – в общем-то, моим единственным другом. Но все изменилось, когда я перешел на сторону Фериус и узнал правду о своем народе. Джен-теп не прощают предательств. Панакси был мне почти как брат, но теперь он был Пан-Эрат, верный маг джен-теп, а я был предателем.

– Его семья стала еще могущественнее, и его бабка предложила... защиту Нифарии и ее матери, если они объединят оба дома.

– То есть Нифения собирается замуж за Пана?

Лицо из песка кивнуло.

– Через год... если только ты не вмешаешься.

Ее тихий шепот зазвучал почти умоляюще.

– Келлен, возвращайся домой. Тебе опасно находиться в приграничье. Возвращайся и служи своему народу, чтобы мы смогли тебя защитить.

Я едва не рассмеялся.

– Защитить меня? И как, интересно, «мой народ» собирается меня защищать, если в Совете лорд-магов кто-то ухитрился сотворить ордер-заклинание и поймать меня?

– Что? Быть того не может. Никто бы...

– Шелла, я своими глазами видел этот ордер.

– Это... – образ из песка словно задрожал. – Я узнаю, что происходит. Обещаю, Келлен. Если это сделал Ра-Мет или кто-то из его сторонников, тогда он нарушил вендетту, запрещающую вражду между нашими домами. Его изгонят из Совета.

Снова начала проявляться слабая улыбка.

– Если я смогу это доказать, всю его семью изгонят из земель джен-теп.

– Шелла, не делай глупостей. Ра-Мет опасен. Если он узнает, что ты суешь нос в его дела, он...

Она слегка фыркнула, и песчинки поднялись с земли, словно подхваченные порывом ветра.

– Я не боюсь Ра-Мета, Келлен. Ты ведь его одолел, разве нет?

Не дожидаясь ответа, образ Шеллы исчез, а я остался стоять как идиот, разговаривая с безлюдной пустыней.

13

Голоса

Когда я вернулся к костру, Фериус и Рози все еще были погружены в свою игру в карты. Рейчис все еще охотился – или убивал, как он выражался. Сенейры не было.

– Где она? – спросил я у аргоси.

Фериус отвлеклась от своих карт.

– Ее нет?

Она начала вставать, но Рози положила руку ей на плечо.

– Дитя иногда предпочитает одиночество, когда начинаются приступы, а это неизменно происходит ночью.

– Приступы? Какие приступы? – не понял я.

Рози запрокинула голову и посмотрела на меня.

– Разве у тебя не проявляются признаки Черной Тени?

Были, конечно, но относительно редко, может, раз в месяц или два, если я позволял себе слишком разозлиться – и уж точно не каждую ночь!

– Оставь ее в покое, – предупредила Рози. – Она должна выдержать это одна.

Послушать аргоси, так страдать в одиночестве – дело естественное и благородное, но мне невыносима была одна мысль о том, что у меня Черная Тень. Боль и жуткие видения, которые вдруг являлись мне... Когда это происходило, мне меньше всего хотелось быть одному.

– Иди, малыш, – Фериус взглядом заставила замолчать Рози, которая собиралась меня остановить. – Поступай как считаешь нужным.

Я бросился обратно к костру и по следам Сенейры до рощицы хилых пустынных деревьев. Там я услышал в темноте ее дыхание.

– Сенейра?

– Уходи, – сказала она так хрипло, словно кричала несколько часов подряд, хотя я ничего не слышал.

– Я просто хочу помочь.

– Как? – спросила она. – Ты можешь сделать так, чтобы приступы прекратились? Ты можешь избавить меня от Черной Тени? Ты можешь сделать, чтобы перестало болеть или хотя бы чтобы не болело так сильно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.